

Вадим ОСИН

**АКАДЕМИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ:
НЕОПАТРИМОНИАЛЬНАЯ НАУКА В УКРАИНЕ
(И МОЛДОВЕ)***

Есть ли что-то общее между политиками, нефтью и порядочностью? Научная степень! С одной стороны, академический “черный рынок” диссертаций по степени прибыльности для “старателей” сравним с

---

* Представленные в данной статье результаты были получены в рамках реализации украино-молдавского проекта (руководитель Вадим Осин) по изучению политики знания на постсоветском пространстве. Грант был выделен Центром перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE), Корпорацией Карнеги, Нью-Йорк и Американскими советами по международному образованию (ACTR/ ACCELS) в рамках Программы “Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)”, Вильнюс (Литва). Особо хочу поблагодарить Илью Герасимова за советы и замечания по поводу первого варианта статьи, а также анонимных рецензентов *Ab Imperio* за их комментарии и рекомендации. Александр Фисун неизменной доброжелательностью и частыми онлайн-овыми консультациями помог избежать неадекватных упрощений неопатримониальной теории. Михаил Соколов проявил невероятную открытость, заинтересованность и готовность помочь, что заставило меня пересмотреть и уточнить ряд аргументов. Елена Гапова и Илья Герасимов помогли разобраться с гендерным измерением постсоветских социальных наук. Наконец, неоценимую помощь при консультировании и проведении статистических расчетов (использовался пакет программ SPSS Statistics, 17 версия) оказали Юрий Святец (Днепропетровск) и Сергей Шкробец (Харьков).

нефтяной отраслью,¹ а его основными потребителями выступают чиновники, политики и предприниматели. С другой стороны, если вдруг политик свою научную степень получил не на “черном рынке”, то в глазах остальных представителей элиты он начинает резко выделяться особенной честностью и порядочностью. Так, в апреле 2014 г. Президент Беларуси, Александр Лукашенко, суммируя свои впечатления от и. о. Президента Украины и спикера Верховной Рады Александра Турчинова, счел необходимым с удивлением подчеркнуть: “Очень честный и порядочный человек, религиозный, написал десятки книг, защитил докторскую диссертацию не за деньги”.²

Этот эпизод в концентрированном виде отражает суть произошедшего тектонического сдвига, изменившего облик постсоветской Академии и ее отношения с политической сферой. Наиболее заметное положение в ней начинают занимать чиновники, честь и заслуги которых вызывают сомнения, в то время как профессиональные исследователи постепенно формируют то, что медиевисты называют “безмолвствующим большинством” (хотя как “безмолвие” этого большинства не является тотальным, так и степень “большинства” нуждается в уточнении). Научные степени все чаще становятся предметом разнообразных актов купли-продажи и дарения, однако при этом кажется, что их ценность и престижность мало пострадали от эрозии стандартов присуждения. Власть и знание, политика и наука, академия и чиновники – эти миры сегодня как никогда переплетены и одновременно атомизированы. Настала пора перейти от общих суждений и спекуляций к их систематическому изучению.

В центре статьи находятся практики получения научных степеней³ различными группами чиновников и других представителей невузовской среды в Украине и Молдове, что позволяет мне выделять особый и все более масштабный феномен *неопатримониальной науки*.

---

¹ Vladimir Shlapentokh, Joshua Woods. *Contemporary Russia as a Feudal Society. A New Perspective on the Post-Soviet Era*. New York, 2007. P. 46.

² Лукашенко: “На танке в Киеве вы меня не увидите” // <http://vesti.ua/mir/48677-lukashenko-na-tanke-v-kieve-vy-menja-ne-uidite>. Посл. посещ. 4 октября 2014 г.

³ В данной статье я не исследую практики присуждения звания почетного доктора, основанием для чего обычно выступает активное сотрудничество с тем или иным университетом, развитие связей и международных контактов, общественная деятельность на пользу определенному университету и т.п. Акцент делается на научных степенях, присуждаемых по результатам публичных защит, в основе которых лежит проведение оригинальных и самостоятельных исследований, оцениваемых соответствующим экспертным сообществом.

Возникновение последней обусловлено множеством факторов, но наиболее релевантными я полагаю три взаимосвязанных комплекса обстоятельств. С большой долей условности назовем их историческим, социальным и политическим измерениями. Под “историческим измерением” современной Академии в Украине (и Молдове) я понимаю паттерны власти/знания, происхождение которых можно достаточно уверенно проследить в практиках, сложившихся в бывшем СССР или его отдельных республиках (регионах). “Социальное измерение” связывается с креденциалистским характером подавляющего большинства современных обществ (*credential society*), в том числе и постсоветских. Наконец, “политическое измерение” отсылает к структурирующему воздействию, оказываемому на академическую жизнь определенным типом существующего в настоящем политического режима.

Влияние политического режима на генезис *неопатримониальной науки* является наиболее заметным, но не детерминирующим. Чтобы понять, что специфического добавляет политическая конъюнктура в трансформацию академических институтов, необходимо обратиться к социальному и историческому измерениям, образующим в совокупности общий контекст функционирования высшей школы Украины и Молдовы. Внимание к этим двум измерениям позволяет ответить на важные вопросы, касающиеся связи власти и знания в ряде современных постсоветских государств, а также причин, в силу которых масштабы коррупционного “остепенения” (пока еще) не приводят к автоматическому нивелированию престижности научных степеней.

***Сервильность интеллигенции, недоверие власти
и освоение нового рынка сертификатов***

Пола Саблофф выделяет несколько общих характеристик постсоветского высшего образования: рост количества студентов; необходимость изыскивать дополнительные средства для обучения вследствие снизившейся поддержки государства; стремление создать “гибкие” учебные программы, конкурентные в новых рыночных условиях (в силу чего понятие “пожизненное обучение” приобретает новое значение). Профессорско-преподавательский состав столкнулся с возросшей нагрузкой и необходимостью усваивать западные стандарты преподавания и исследования в момент резкого снижения уровня заработной платы и социального статуса. Это привело к деморализации и переутомлению многих преподавателей, а также к внутренней и внешней утечке

мозгов во многих университетах. Наконец, общим для студентов и преподавателей становится поиск новых источников поддержки, от грантов международных организаций до ведения собственного бизнеса. Основываясь главным образом на проведенных интервью, Сара Амслер дополняет перечень ключевых проблем: институциональная бедность; отсутствие квалифицированных кадров и учебных материалов; утечка мозгов и продажа степеней; личная бедность; экзистенциальный и интеллектуальный кризисы; разрушенные или прерванные карьеры.⁴ Работы, касающиеся непосредственно украинского высшего образования,⁵ в том числе частного сектора,⁶ в целом подтверждают эти выводы, с той оговоркой, что лишь немногие публикации касаются действительно распространенных и масштабных проблем (например, коррупции).⁷

Исследовательский фокус данной статьи выводит на первый план не столько общие проблемы, сколько условия, способствующие получению научных степеней людьми с неакадемическими карьерами. Поскольку, как будет показано ниже, основная масса “атипичных ученых” состоит из чиновников, можно предположить, что фундаментальными условиями этого процесса является мощь государства и тесно связанная с этим слабость академического сообщества.

---

⁴ Paula L. W. Sabloff. Introduction // *Idem*. Higher Education in the Post-Communist World: Case Studies of Eight Universities. New York, 1999. Pp. xvi-xviii; Sarah S. Amsler. The Politics of Knowledge in Central Asia. Science between Marx and the Market. New York, 2007. Pp. 81-82.

⁵ Vasyl Kremen, Stanislav Nikolajenko (Eds.). Higher Education in Ukraine. Bucharest, 2006; Liubov Pivneva. Political Aspects of Reforming the Higher Education System in Ukraine // Stephen Webber, Ilkka Liikanen (Eds.). Education and Civic Culture in Post-Communist Countries. Basingstoke, 2001. Pp. 248-259; Joseph Stetar, Anatoly Pohribny. Toward a New Definition of Quality: Taras Shevchenko National University (Kyiv University), Ukraine // Paula L. W. Sabloff (Ed.) Higher Education in the Post-Communist World: Case Studies of Eight Universities. New York, 1999. Pp. 163-187.

⁶ Joseph Stetar and Elena Berezkina. Evolution of Ukrainian Private Higher Education: 1991–2001 // International Higher Education. 2002. No. 3. Pp. 15-17; Joseph Stetar, Oleksiy Panych, Andrew Tatusko. State Power in Legitimizing and Regulating Private Higher Education: The Case of Ukraine // Snejana Slantcheva, Daniel C. Levy (Eds.). Private Higher Education in Post-Communist Europe. In Search of Legitimacy. New York, 2007. Pp. 239-256.

⁷ Г. Грабович. Перед Европою: чи можлива реформа в науці та освіті? // Часопис “Критика”. Рік 9. Число 12 (87-88). <http://krytyka.com/ua/articles/pered-evropoyu-chy-mozhlyva-reforma-v-nautsi-ta-osviti>. Посл. посещ. 4 октября 2014 г.; Stetar, Panych, Tatusko. State Power. Pp. 244-245, 248.

Наиболее распространенное мнение, повторенное в последнее время Андреем Портновым, заключается в том, что “постсоветская украинская ‘республика ученых’ представляется доведением до абсурда некоторых позднесоветских тенденций”.⁸ Сама практика “остепенения” на постсоветском пространстве имеет много общего с ситуацией, сложившейся в СССР и/или некоторых его регионах, когда администраторы стремились обзавестись научными степенями. Илья Земцов, некогда “придворный” советский социолог, писал, что по состоянию дел на 1966 г., “по официальным отчетам АН СССР... 67 процентов руководящих партийных работников и... 63 процента в номенклатуре Совета Министров Азербайджана имели ученые степени кандидата или доктора наук”. Со ссылкой на сообщение тогдашнего первого заместителя председателя КГБ СССР на XXIV съезде ЦК КПСС, Земцов насчитывал еще более высокий процент остепененных номенклатурщиков в других регионах СССР. Так, “в 1969 году он составлял соответственно 62 и 59 процентов по Прибалтике, по Средней Азии – 58 и 56 процентов, а в Грузии и Армении поднимался до 71 и 73 процентов”.⁹ Цифры, приводимые Михаилом Восленским для более позднего времени, оказываются чуть более высокими: “Число сотрудников с учеными степенями составляет 63% аппарата ЦК, а в ЦК нацкомпартий цифра еще выше – 73%”.¹⁰ В последнем составе ЦК КПСС было, как указывают Эван Модсли и Стивен Уайт, “11 действительных членов и восемь членов-корреспондентов Академии наук СССР, 55 докторов и 59 кандидатов наук”.¹¹ Наконец, Ольга Крыштановская отмечает, что в Верховном Совете РСФСР 1990 года из 1234 человек “222 человека имели ученые степени”,¹² т. е. 18% в “парламенте”, представляющем все совершеннолетнее население республики.

Но если оправданность проведения указанной параллели современного состояния дел и советского “наследия” (при всей разнородности и подчас несопоставимости приведенных цифр) не вызывает особых сомнений, то причины этой тенденции во времена позднего СССР

---

⁸ А. Портнов. Республика учёных по-немецки и по-украински // <http://net.abimperio.net/node/2013>. Посл. посещ. 4 октября 2014 г.

⁹ И. Земцов. Партия или мафия? Разворованная республика. Paris, 1976. С. 16.

¹⁰ М. С. Восленский. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Москва, 1991. С. 328.

¹¹ Э. Модсли, С. Уайт. Советская элита от Ленина до Горбачова. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. Москва, 2011. С. 344.

¹² О. Крыштановская. Анатомия российской элиты. Москва, 2005. С. 115.

во многом остаются неясными. Велик соблазн найти объяснение в традиционном интересе советской власти к науке, но каково происхождение самого этого интереса? Предлагаются самые разнообразные интерпретации. Сергей Кислицын сопоставляет “интерес большевистских политических лидеров к науке с их стремлением ограничить интеллектуальную свободу и подчинить науку политике”, в то время как Лорен Грэхэм удивлен недостаточностью внимания исследователей к *специфическому* научному интересу советских партийных функционеров. Лариса Козлова указывает, что научные степени в 1930-х гг. могли присуждаться и без представления самих диссертаций – по чину, но, как правило, не всем, а только “высокопоставленным чиновникам, работавшим в науке, образовании или партийно-идеологических органах, служебное положение которых ‘притягивало’ к себе и другие регалии”. Не стоит также забывать о денежном мотиве. Как показывает Оксана Юркова, он не был особенно важен в 1920-х гг., когда научные степени имели невысокий престиж и не были связаны с получением должностей, вследствие чего “подавляющее большинство историков не считали необходимым тратить время на прохождение этой процедуры”. Все поменялось уже в 1940-х гг., когда завершается, по мнению Геннадия Батыгина, образование “новых мандаринов” или среднего класса, бывшего не социальной стратой, а культурным слоем (в смысле В. Дэнхема): “...доходы писателей, артистов, профессоров многократно превышали средние доходы служащих и нередко были выше, чем обеспечение высших чиновников партии”.¹³

¹³ С. А. Кислицын. Научная элита в системе политической власти. Москва, 2013. С. 32. “Я уверен в том, что наступит время, когда роль естественных наук в идеологии русской революции и установившегося затем режима будет рассматриваться как самая необычная черта этой идеологии. Другие великие политические революции Нового времени... уделяли известное внимание науке, однако ни одна из них не породила систематическую идеологию относительно физической и биологической природы, как это случилось в результате русской революции”. Л. Р. Грэхэм. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. Москва, 1991. С. 8. См. также Л. Г. Козлова. “Без защиты диссертации...”: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // <http://www.nir.ru/sj/sj/sj2-01koz.html>. Посл. посещ. 9 октября 2014 г.; О. Юркова. Наукова атестація істориків в Україні: нормативна база та особливості захисту дисертацій (друга половина 1920-х – 1941 рр.) // Проблеми історії України: факти судження, пошуки : Міжвідомчий збірник наукових праць, 2010. № 7. Вип. 19. Ч. 2. С. 131; Г. С. Батыгин. “Социальные ученые” в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. Москва, 2005. С. 56.

По моему мнению, проблема взаимосвязи науки и политики в СССР, особенно в части получения научных степеней, до сих пор недостаточно изучена и остается скорее предметом произвольных сопоставлений, проницательных догадок и обобщений, основанных на здравом смысле. Генетическая связь советского режима и современного режима Украины или Молдовы в сфере научной политики представляется несомненной. Прежде всего сказывается элемент патримониальности самого советского режима,¹⁴ в силу чего сила власти и слабость Академии проявляются в большинстве постсоветских государств, режим которых с большей уверенностью квалифицируется как неопатримониальный (о чем речь пойдет ниже). Учитывая структурную связь “слабая Академия и сильная власть”, свойственную СССР, легко увидеть ее воспроизводство в особенностях развития такой принципиально новой дисциплины, как политология в Украине.

Марина Шаповаленко говорит о том, что благодаря деятельности Высшей аттестационной комиссии (ВАК) “вся наука находится под непосредственным патронажем государства”, характер которого разнообразен: от появления нескольких политологий (“доваковской”, “ваковской” и “послеваковской”) до попыток централизованного определения ядра украинской политологии в виде обязательного курса “Украинский научный национализм”. Сергей Рябов пишет о сервильности украинской политической науки. Под этим иногда понимается реактивная (а не проективная) “роль украинских ученых относительно вопросов государственной политики”, а иногда – “искушение подчинить знание власти, превратить его в способ обслуживания и таким образом достичь причастности к власти”. Любовь Пивнева отмечает, что, несмотря на более чем годовые задержки по заработной плате и катастрофическое падение статуса, профес-

¹⁴ Дискуссия относительно оправданности отнесения советского режима к разновидности неопатримониального рассмотрена в ряде публикаций Михаила Масловского: М. Масловский. Харизма разума, изобретенная традиция и советская модель модерна // Неприкосновенный запас. 2013. № 4 (90). <http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/5m.html>. Посл. посещ. 4 октября 2014 г.; М. Масловский. Теории исторической макросоциологии и социально-политические трансформации в России и СССР в первой половине XX века. Нижний Новгород, 2003. Александр Фисун, один из ведущих современных теоретиков неопатримониализма, в личной переписке указал, что есть основания полагать режим в СССР “харизматическим в 1920–1930-е гг... Патримониальные отношения существовали в некоторых районах (Средняя Азия и т.д.), но в целом это был вариант рационально-бюрократической системы”.

сорско-преподавательский состав, будучи заложником политической системы, “в сравнении со школьными учителями, шахтерами и другими группами не является активным”. Сергей Куделя и Юрий Мацневский на разные лады обосновывают тезис об отсутствии в украинской политологии агентов перемен и/или инновационного академического сообщества.¹⁵

Отмеченные характеристики политической науки соответствующим образом отражаются в оценке украинскими политологами академических свобод. Так, проведенные в рамках нашего исследовательского проекта интервью дают основания говорить о наличии табуированных тем, с чем столкнулась, например, доцент из Симферополя. Сегодня ее слова кажутся симптоматичными – и содержательно, и в смысле выражения определенной региональной перспективы:

... вот это то, что есть. Допустим, как-то проблема федерализма – она такая немножко табуированная тема... Федерализм – это тоже сродни бикамерализму и актуально для Украины. Но я сама склонилась к бикамерализму, потому что подумала, что будут большие проблемы с защитой (СЖК (п) – 2).¹⁶

Профессор из Харькова весной 2013 г. не только более радикально критиковал наличие цензуры в украинской политологии, но и примечательным образом характеризовал миссию академических политологов – не как несущих ответственность перед обществом

¹⁵ М. Шаповаленко. Украинская политология: трудности становления // Политическая наука. Политология в постсоветских государствах: Сб. науч. тр. Москва, 2004. С. 236, 232; С. Г. Рябов. Політична наука в Україні ХХІ століття: стан та перспективи розвитку. Київ, 2005. С. 64, 70; Pivneva. Political aspects. P. 257; С. Куделя. Чи можлива в Україні політична наука? // Критика. 2012. № 1-2 (171-172). С. 24-25; Ю. Мацневський. Чому в нас немає політичної науки // Критика. 2012. № 6 (176). С. 10-12.

¹⁶ Интервью проводилось осенью 2012 и весной 2013 г. Расшифровка следующая: первая буква является заглавной буквой того или иного политологического сообщества. Так, “Х” означает принадлежность к харьковскому, а “С” симферопольскому (крымскому) политологическим сообществам соответственно. Вторая буква обозначает пол респондента, мужской (“М”) и женский (“Ж”). Третья буква отсылает к научной степени: “К” – кандидатская и “Д” – докторская. Буква в скобках, соответственно, указывает на специальность, по которой была получена та или иная степень: “п” означает, что речь идет о “политических науках”, а “и” – об “исторических науках”. Наконец, цифра, как правило, не несет особой смысловой нагрузки, обозначая преимущественно первенство в получении научной степени в рамках той или иной группы респондентов (кандидатов или докторов наук по соответствующей специальности).

(что, в общем, свойственно западным исследователям¹⁷), а в качестве обслуживающего власть персонала:

Ну, попробуйте сейчас написать тему, там, скажем, “Янукович как символ диктаторского режима в Украине (2010–2013)”. Она пройдет где-нибудь? Не пройдет. Мы ж это все прекрасно понимаем.

...Все равно корни у нас оттуда, из советских времен. Кто такие политологи? Это часть политического класса, которая обслуживает элиту. Все-таки это ж так? Так. Не надо себя кормить иллюзиями, что мы пуп Земли – мы обслуживающий персонал. Ну, интеллектуальный, и все.¹⁸ (ХМД (п) – 2).

Таким образом, современная практика получения научных степеней имеет свой ослабленный аналог в прошлом некогда существовавшей империи,¹⁹ когда интеллектуалы превратились в интеллигенцию и тем

---

¹⁷ В качестве репрезентативного примера можно привести слова Теды Скочпол относительно призвания и выбора исследовательских тем: “В Соединенных Штатах мы в конечном счете получаем хорошо оплачиваемую штатную должность, и я не думаю, что оправданно заикливаться на одном вопросе. Наша работа должна касаться вопросов, которые важны для общества... С личной точки зрения, намного больше удовольствия вы получаете, будучи ученым, когда вы работаете над тем, что, как вы можете себе представить, будет иметь значение...” Theda Skocpol. *States, Revolutions, and the Comparative Historical Imagination* // Gerardo L. Munck, Richard Snyder (Eds.). *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. Baltimore, 2007. P. 683.

¹⁸ Подобная самооценка коррелирует с отношением политиков к интеллектуальной стороне собственных кампаний. Как отметил другой симферопольский доцент, отношение к исследователям заключается в следующем: “Да, чаще всего, как говорил один политический деятель, в штабе избирательном которого я не работал: ‘Да мы, там, придумаем, а вы, головастики, потом должны все это там оформить’” (СМК (и) – 1). Еще один харьковский доктор вспоминала, что высокопоставленный чиновник относительно рекомендаций советников говорил: “Аналитики, что паралитики, а будет так, как [должно]” (ХЖД (п) – 4).

¹⁹ Ослабленный по причине того, что советский режим не был в полной мере неопатримониальным, вследствие чего получение научных степеней сдерживалось рядом формальных и неформальных норм. Андрей Портнов в этой связи отмечает, что “‘остепенение’ разрешали партийным руководителям определённого уровня, но оно никогда не было всеобщим и неконтролируемым. Ученая степень гарантировала доплаты к зарплате и запасной вариант – университетскую работу. Тем не менее, совмещать партийную и научную работу считалось чем-то нежелательным и нелогичным”. Портнов. Республика. Об этом говорит и бывший министр образования Украины Станислав Николаенко: “В СССР контроль за этим был очень жестким. Тогда людям говорили: ты или наукой занимайся, или партийным строительством.

самым оказались причастными не к формулированию альтернатив,²⁰ а непосредственно к воспроизводству статус-кво. В большинстве постсоветских государств усилились те черты советского строя, которые со временем повлияли на формирование, говоря словами Симона Кордонского, “сословных держав”,²¹ а их граждан, включая исследователей, превратили в ресурсополучателей. Сервильность советских ученых, которую столь красочно живописал Михаил Восленский,²² воспроизво-

Не стоит носиться туда-сюда”. В. Литвинов. Доктори липових наук // <http://archive.kontrakty.ua/gc/2012/51/8-modnaya-organika.html?lang=ua>. Посл. посещ. 4 октября 2014 г.

²⁰ В этой связи необходимо указать на два принципиальных момента, отличающих (пост)советскую интеллигенцию от западных интеллектуалов. Первая “была изначально инкорпорирована в систему воспроизводства власти и создавала ее сакрализованный текст”. Батыгин. “Социальные ученые”. С. 48. И это расходится с пониманием интеллектуалов на Западе, которые, по мнению Сеймура Липсета, должны своей критической деятельностью по формулированию альтернатив статус-кво способствовать процессу перманентной адаптации демократических социальных и политических институтов. См. Seymour M. Lipset. *Political Man. The Social Bases of Politics*. New York, 1960. Pp. 310-343. В восприятии более современных ученых мало что поменялось: Стив Фуллер настаивает на том, что интеллектуалы должны информировать общество о социальных проблемах, а не быть детерминированными политической повесткой дня. Steve Fuller. *The Sociology of Intellectual Life. The Career of the Mind in and Around the Academy*. London, 2009. Во-вторых, (пост)советская интеллигенция в меньшей степени ориентирована на политическое изменение и собственное участие в нем, полагая политику “грязным делом”, в то время как западные интеллектуалы, по мнению Жерара Леклерка, “принадлежат к интеллектуальным профессиям, которые занимаются, помимо всего прочего, деятельностью, связанной с петициями и составлением манифестов”. Ж. Леклерк. *Соціологія інтелектуалів*. Львів, 2009. С. 48. В этом смысле наиболее хлестко суть интеллектуалов определил Роже Дебре: “Интеллектуалов создает не уровень образования, а намерение влиять на людей”. Р. Дебре. *Інтелектуальна влада у Франції*. Київ, 2008. С. 159. Противоположный взгляд представлен в работе: Ж. Бенда. *Предательство интеллектуалов*. Москва, 2009.

²¹ С. Г. Кордонский. *Сословная структура постсоветской России*. Москва, 2008.

²² Михаил Восленский следующим образом описывает отношения советского номенклатурного чиновника и ученых: “Его радость, его единственная страсть – в том, чтобы... приехать на заседание своих подопечных: маститых ученых или видных общественных деятелей с громкими именами, сесть скромно в сторонке – и спокойно, с глубоко скрытым удовольствием наблюдать, как побегут к нему из президиума маститые и видные просить указаний”. Восленский *Номенклатура*. С. 115. Прообраз взаимоотношений между “партийными” диссертантами и теми, кто непосредственно обеспечивал прохождение их диссертаций в Академии общественных наук, видится в известном произведении Дениса Фонвизина и исторической действительности рабовладельческих Афин. Там же. С. 327-328.

дится (в том числе) и в Украине, где “политолог” часто воспринимается как “самоназвание многочисленного племени пропагандистов и агитаторов самых различных ориентаций, которые обшивают научными блестящими маскарадными костюмами нынешних лидеров”.²³

И все же за кажущейся преемственностью скрывается принципиальный разрыв с советским наследием. Более важно, по всей видимости, что эффект слабости одних и относительной силы других своим следствием имеет размывание барьеров, вроде бы надежно отделяющих политику от науки. Удивляет не сам масштаб “остепенения”, а сдвиг мировосприятия, стоящий за ним. Теперь речь идет не о поддержании контроля власти над Академией, вызванного недоверием к интеллектуалам, а об уверенности людей, не имеющих к науке ни малейшего отношения, в обоснованности собственных притязаний на ряд важнейших продуктов интеллектуального труда. Это объясняется, в частности, подчиненностью интеллигенции власти, которая после распада СССР лишь усилилась в силу обнищания основной массы преподавателей, что как бы естественным образом приводит к ощущению, что все интеллектуальные атрибуты “класса головастиков” находятся, используя психологический термин, в “зоне ближайшего развития” чиновников, политиков и бизнесменов.

Ограниченность объяснения через “историческое наследие” становится тем более очевидной, что ссылка на советский прецедент не объясняет все более усиливающегося стремления чиновников к получению научных степеней. Уже цитировавшееся исследование Ларисы Козловой дает основание предполагать, что присвоение научных степеней по чину в 1930-е гг. ограничивалось должностями, так или иначе связанными с (высшим) образованием. С этой точки зрения немотивированным выглядит переход к массовому “остепенению” партработников после того, как “во второй половине 1920-х гг. партия в целом превратилась из партии рабочих и интеллигенции в партию крестьянства, а точнее – в партию маргиналов”, политическая культура которых была, по сути, несовместима с интересом к науке и ее атрибутам.²⁴ С моей точки зрения, понять подобное расширение

²³ Цит. по: Рябов. Політична наука. С. 70.

²⁴ Модсли, Уайт. Советская элита. С. 166. Роберт Даниелс отмечает также черты элиты, пришедшей к власти при Сталине: “Молодые активисты, которых Сталин рекрутировал из рядов рабочего класса и крестьянства, были малообразованны и принесли с собой на все уровни советской бюрократической иерархии худшие черты прежней российской политической культуры. Их отличала склонность к

списка взыскивающих научных степеней можно при условии дополнения исторического измерения социальным, помещающим “страсть” к научным степеням в контекст *credential society*.

Гипотеза, при формулировании которой я опирался на результаты применения теории социального обмена к анализу образовательного рынка,²⁵ заключается в том, что практики получения научных степеней в постсоветских государствах подчиняются в том числе и общей тенденции современных обществ обеспечивать формальные свидетельства компетенции, удостоверяющие обоснованность претензий на определенное рабочее место и/или статус. Другими словами, речь идет о стремлении партработников, а впоследствии чиновников и политиков получить сертификаты, легитимирующие притязания или оправдывающие эффективность работы. В самом начале это были дипломы о высшем образовании, что, судя по данным Эвана Модсли и Стивена Уайта, было чрезвычайно актуальным. В дальнейшем дефицит высшего образования в СССР был ликвидирован, хотя о качестве и характеристиках получаемых свидетельств, особенно среди партийных функционеров, до сих пор ведутся споры. Закономерным итогом этого процесса становится освоение “новых” сертификатов (дипломов кандидата и/или доктора наук), в условиях инфляции “старых” (дипломов о высшем образовании), выполняющих ту же функцию.

И в этом смысле развитие постсоветских государств формально мало чем отличается от западных. Так, “почти все министры в Центральной

авторитаризму, недоверие к интеллектуалам, ксенофобия и антисемитизм, сплав крестьянской настороженности с квазипараноидальной, но прагматической политической культурой российской бюрократии”. Цит. по: Модсли, Уайт. Советская элита. С. 167.

²⁵ Рэндалл Коллинз, в частности, излагает их следующим образом: “Ценность образовательной культуры подобна ценности денег. Чем больше денег находится в циркуляции, тем меньше можно купить с той же самой суммой денег, так как увеличение притока денег поднимает цены. В 1920-х годах диплом высшей школы был ценен, потому что он был только у небольшого процента населения – в то время с ним можно было ‘купить’ хорошую менеджерскую работу. К 1960-м годам диплом высшей школы располагали столь многие, что с ним можно было получить только рабочую или клерикальную работу низшего уровня. Из-за инфляции образовательной валюты его ценность упала... Можно предсказать, что и на более высоком уровне этот процесс будет повторяться. Если в будущем у каждого будет степень доктора, юриста, магистра администрации бизнеса и т.п., то эти степени будут цениться не более, чем работы в сфере обслуживания в ресторанах быстрого питания, и соревнование охватит высшие степени”. Р. Коллинз. Четыре социологических традиции. Москва, 2009. С. 157-158.

и Восточной Европе (97,4%) имеют университетский диплом”, треть депутатов нижней палаты швейцарского парламента обладают научной степенью Ph.D., а каждый пятый депутат бундестага в 2011 г. имел докторскую степень. И эти цифры сопоставимы с данными, касающимися большинства постсоветских государств. Например, “все российские министры обладают дипломом университета, и примерно 65% имеют кандидатские степени”.²⁶ Если обратиться к Украине, то, по нашим подсчетам, 45,9% губернаторов и 35,9% глав областных советов имеют научные степени кандидата и/или доктора наук.

Моя гипотеза, тем не менее, постулирует не тождественность процессов рекрутирования политических элит в постсоветских государствах и западноевропейских, а лишь общность *самого направления движения в сторону приоритетности получения научных степеней после исчерпания потенциала предыдущих сертификатов*, но никак не важнейшие характеристики процессов получения научных степеней. В западных государствах превалирует идея, согласно которой “профессиональная и независимая администрация влечет за собой присутствие хорошо образованных, подготовленных и квалифицированных гражданских служащих, способных предоставить политикам экспертное знание, аргументацию и совет”.²⁷ В силу этого и парламентарии, и министры рекрутируются преимущественно из учебных заведений²⁸ и профессиональных групп,²⁹ которые способствуют реа-

²⁶ Katja Fettelschoss, Csaba Nikolenyi. Learning to Rule: Ministerial Careers in Post-Communist Democracies // Keith Dowding, Patrick Dumont (Eds.) The Selection of Ministers in Europe. Hiring and Firing. New York, 2009. Pp. 220; Daniel Gaxie, Laurent Godmer. Cultural Capital and Political Selection: Educational Backgrounds of Parliamentarians // Maurizio Cotta, Heinrich Best (Eds.). Democratic Representation in Europe. Diversity, Change, and Convergence. New York, 2007. P. 127; Портнов. Республика; Е. С. Семенова. Министры Правительства Российской Федерации: рекрутирование и карьеры (1990–2012) // Политический класс в современном обществе. Москва, 2012. С. 167.

²⁷ Jean Blondel, Ferdinand Müller-Rommel, Darina Malova. Governing New European Democracies. New York, 2007. P. 139.

²⁸ Так, “во Франции дипломы только некоторых *grandes écoles* особо конвертируемы в политическом поле, практически наделяя их обладателей специфическим статусом”. В частности, *énarques*, бывшие студенты Национальной школы управления, “имеют особенный политический статус”. В Англии схожую роль выполняют Оксфорд, Кембридж и Лондонская школа экономики и политической науки. Gaxie, Godmer. Cultural Capital. P. 126.

²⁹ Скажем, в Португалии министры рекрутируются из трех профессиональных категорий, объясняющих высокий уровень обладателей научных степеней:

лизации этой идеи. Иногда воплощение указанного принципа приводит к нежелательному консерватизму, на что указывает Пьер Бурдьё,³⁰ но в целом получению работы предшествует попытка обзавестись соответствующими свидетельствами. В Украине же наблюдается обратная связь: административные должности играют определяющую роль в актуализации научных интересов и превращении до того ничем не примечательных чиновников в энциклопедически образованных титанов эпохи Возрождения (по крайней мере, судя по их дипломам).³¹

Следовательно, распространение масштабов “остепенения” чиновников за пределы релевантных должностей и ведомств и отсутствие прогнозируемого в этой связи критического падения цен-

---

университетские профессора, менеджеры и юристы. António Costa, Pedro Tavares de Almeida. Portugal: the Primacy of “Independents” // Keith Dowding, Patrick Dumont (Eds.). *The Selection of Ministers in Europe. Hiring and Firing*. New York, 2009. P. 151.

³⁰ В частности, “можно смело предположить, что именно потому, что Франция была ‘республикой профессоров’, что самые блестящие выпускники Политехнической школы быстро занимали высокие должности в военных сферах и в гражданском строительстве, никакой вероятности радикального разрыва с установленными правилами быть не могло... открытость французской администрации для научных талантов, возможно, является более важным фактором, объясняющим научный консерватизм, чем все другие факторы, обычно считающиеся ведущими”. П. Бурдьё. *Поле науки* // П. Бурдьё. *Социальное пространство: поля и практики*. Москва и Санкт-Петербург, 2005. С. 494.

³¹ Отличия между западными и украинскими практиками получения научных степеней парадоксальным образом иллюстрируются примерами раскрытых мошенничеств. Так, за последние несколько лет в Германии были уличены в плагиате ряд известных политиков: Карл-Теодор цу Гуттенберг, самый молодой министр в истории ФРГ, Аннет Шван, министр образования и исследований, и Сильвана Кох-Мерин, вице-президент Европарламента и член руководящего совета партии Свободных демократов (указываются их должности на момент разоблачения). Два последних чиновника прибегли к плагиату до занятия сколь-нибудь значимых “политических” должностей, в возрасте 25–30 лет и, как правило, спустя недолгое время после получения образования (3–5 лет). Исключением выступает Карл-Теодор цу Гуттенберг, который защитил диссертацию, будучи 5 лет депутатом бундестага. Расследования по подозрению в плагиате проводились помимо того в случае Франка-Вальтера Штайнмайера, вице-канцлера и министра иностранных дел, а также Норберта Ламмерта, председателя Бундестага. Оба политика сохранили свои научные степени, при том, что университетские комиссии установили различной степени нарушения научной этики и правил цитирования. Но то, что в Германии, если судить по этим обрывочным данным, является исключением, то для Украины выступает правилом: степени получают после занятия высоких должностей, период времени, прошедший между образованием и защитой, составляет не менее 20 лет, а средний возраст “соискателей” существенно превышает 50 лет.

ности научных степеней (по крайней мере, в восприятии основных акторов *неопатримониальной науки*) оказываются производными от тенденции, общей для подавляющего большинства современных государств, осваивать новый рынок сертификации. *Пока его наполнение (или истощение) не достигли показателей высшего образования, престижность научной степени остается на уровне, достаточном для привлечения новых участников, не обязательно только чиновников или бизнесменов.*

Наблюдается, однако, важное расхождение в масштабах и, самое главное, характере “остепенения” в Украине и, условно, странах Западной Европы. С одной стороны, в Верховной Раде отмечается падение удельного веса учителей и профессоров, или *интеллектуции*, в течение 1994–2007 гг.³² В целом за указанный период менее 10% парламентариев были рекрутированы из этой группы;³³ в Верховной Раде шестого созыва в 2007 г. их доля не превышает 8%, в то время как в 1994 г. она приближалась к 30%. Это, как отмечают Елена Семенова, Михаэль Эдinger и Хенрик Бест, согласуется с общей тенденцией в странах Центральной и Восточной Европы, где также наблюдается падение удельного веса “академиков” среди парламентариев с 20 до 12%.³⁴

С другой стороны, в государствах Западной Европы похожее падение доли представителей образовательной сферы (*educators*) не выглядит столь резким и катастрофическим, поскольку с 1970-х гг. составило 5 пунктов – с 20 до 15%.³⁵ В итоге диспропорция между научной степенью и (комплементарной) профессией разнится для постсоветских государств и Западной Европы. По моим предвари-

³² Elena Semenova. Patterns of Parliamentary Representation and Careers in Ukraine: 1990–2007 // *East European Politics and Societies*. 2012. Vol. 26. No. 3. P. 548.

³³ Semenova. Patterns. P. 546.

³⁴ Elena Semenova, Michael Edinger, Heinrich Best. Patterns of Parliamentary Elite Recruitment in Central and Eastern Europe. A Comparative Analysis // Elena Semenova, Michael Edinger, Heinrich Best (Eds.). *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation*. New York, 2014. P. 291. Уильям Кроутер приводит данные, согласно которым в молдавском парламенте разных созывов удельный вес “профессорско-преподавательского состава (*academics / educators*)” оказывается выше, чем в Украине, хотя он также постепенно падает – с 29,8% в 1994 г. и до 15,8% в 2010 г. William E. Crowther. *Legislative Elite Formation in Moldova. Community and Change* // Semenova, Edinger, Best (Eds.). *Parliamentary Elites*. P. 232. В то же время точная доля народных депутатов с научной степенью в Молдове неизвестна.

³⁵ Semenova, Edinger, Best (Eds.). *Parliamentary Elites*. P. 297.

тельными подсчетам, количество народных депутатов в Верховной раде VI созыва (2007) составляет 168 человек (37,3%), и это почти впятеро превышает уровень представленности пресловутой интеллигенции в парламенте.³⁶ В то же время в западноевропейских парламентах, сопоставимых с Украиной по количеству “остепененных”, но не релевантных профессий (профессор, академик...) подобная диспропорция едва достигает двукратных значений.

Учитывая менее высокий образовательный уровень парламентариев из Западной Европы,³⁷ есть основания, с моей точки зрения, говорить как о более медленном освоении рынка сертификатов, так и о (более) репрезентативном рекрутировании в парламент индивидов, представляющих самые различные группы населения, степень “дипломирования” которого далека от 90–95% показателей. Таким образом, можно предположить, что по меньшей мере в Украине высокий уровень кандидатов и докторов наук, вызванный релевантными профессиями, сменяется более масштабным “остепенением”, обусловленным должностью.

Это отсылает к обратной связи между научной степенью и работой, что обозначает пределы применимости “социального измерения”, поскольку мотивы, толкающие индивидов получать научную степень после достижения того, для чего ее обычно стремятся получить, не укладываются в теорию *credential society*. Возникает ощущение, что в данном случае присутствует совершенно иная мотивация и соответствующий ей тип личности, который может быть понят с точки зрения политического режима в постсоветских государствах, в которых обычно отмечается отсутствие связи между образованием, умениями, навыками и мобильностью в чиновничьей среде.³⁸ Это объясняет мое внимание к политическому измерению *неопатримониальной науки*.

---

³⁶ В Верховной Раде Украины VII созыва (2012), по предварительным данным, из 450 человек 120 имеют ту или иную научную степень (26,7%).

³⁷ Имеется в виду, что в странах Западной Европы только в 2005 г. достигнут 70% уровень парламентариев с университетским образованием, в то время как в странах Центральной и Восточной Европы он превышал 90% еще с 1990-х гг. Semenova, Edinger, Best (Eds.). *Parliamentary Elites*. P. 298. В Украине “доминирование образованных парламентариев было очевидным уже в ходе выборов 1990 года, когда свыше 95% членов парламента имели университетский диплом, и этот процент с тех пор только увеличился”. *Ibid.* P. 549.

³⁸ Крыштановская. *Анатомия*. С. 101. Это наблюдение вполне распространяется и на украинских чиновников.

**Неопатримониальная наука в Украине:
главы ОГА и облсоветов³⁹**

Предварительное представление о неопатримониальной науке в Украине можно получить, обратившись к изучению чиновников, которые одновременно и максимально приближены к политической сфере (наиболее значимой при этом типе режима), и довольно легко выделяемы в процессе исследования. Я полагаю, что искомой социальной группой являются председатели областных государственных администраций (далее – главы ОГА или губернаторы) и облсоветов (далее – главы облсоветов или легислатур). Изучив практики получения научных степеней губернаторами и/или главами легислатур в 1992–2013 гг.,⁴⁰ можно составить репрезентативное впечатление о связи должности с наукой в Украине в целом. Дело в том, что лишь треть чиновников этого ранга получили научные степени во время пребывания на должности губернатора и/или главы облсовета, а остальные две трети – занимая предшествующие или последующие должности. А это весьма большое разнообразие должностей, от премьер-министра Украины и министра Украины до директора Феодосийской электросети ГАЭК “Крымэнерго” или председателя правления акционерного банка “Укргазбанк”. И всех их объединяет то, что 96% фактов “остепенения” бывших, настоящих или будущих глав ОГА и глав облсоветов напрямую зависят от ранга во властной иерархии и длительности пребывания на той или иной должности.

Украинский политический режим на протяжении большей части своего существования является неопатримониальным.⁴¹ Для него ха-

³⁹ Подробная аргументация и релевантные количественные данные, касающиеся материала, излагаемого в этом параграфе, содержатся в другой моей публикации: В. Осин. Неопатримониальная наука Украины: чиновники, научные степени и политический режим // Перекрестки. Журнал исследований Восточноевропейского Пограничья. 2013. № 3-4. С. 61-112.

⁴⁰ Так, научную степень имеют 45,9% губернаторов, из них 32,3% (71 человек) являются кандидатами наук и 13,6% (30 человек) докторами наук. В случае с главами облсоветов научную степень имеют 35,9% (66 человек), из них 27,2% (50 человек) – кандидаты и 8,7% (16 человек) – доктора наук.

⁴¹ Эта характеристика, насколько можно судить по значимости политических постов в процессе “остепенения”, применима к большинству постсоветских государств. Например, российский социолог Михаил Соколов иронично указывает, что “недоброжелатели также могут рассказать... множество порочащих репутацию Академии анекдотов, например о том, как легко крупные политики в последние десятилетия становились академиками – иногда в течение пяти лет после получения заочно

рактерно нечеткое разделение на публичную и частную сферу социума, а государство управляется как частное владение правящих групп, которые в этой системе приватизируют различные общественные функции и государственные институты.⁴² По всей видимости, причинами и/или условиями складывания неопатримониальных политических режимов на территории бывшего СССР выступала необходимость преодоления

высшего образования». М. Соколов. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 9-10. Тем не менее есть основания ожидать различий внутри одного типа режима в конкретных государствах, релевантных получению научных степеней чиновниками. Скажем, в современной РФ особый вес приобретают, если судить по резонансным случаям, приводимым исследователями, позиции, связанные с ФСБ или армией. Михаил Соколов указывает на российского «академика» В. Шульца, «чья карьера ученого причудливо переплеталась с его же карьерой офицера ФСБ» (Там же. С. 9). Владимир Шляпентох свои рассуждения о феодальном характере современной России иллюстрирует персоной В. Казанцева, бывшего командующего войсками Северокавказского военного округа (1997–2000) и полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе (2000–2004), получившего в качестве своеобразной взятки две степени кандидата наук от Ростовского государственного строительного университета (2000) и Адыгейского государственного университета (1999). Shlapentokh. *Contemporary Russia*. P. 62. Предположение об определяющей роли «силовиков» в политической системе современной России базируется также на исследовании Ольги Крыштановской, результаты которого свидетельствуют о формировании милитократии // Крыштановская. *Анатомия*. С. 236-290. Оксана Гаман-Голутвина ставит под сомнение это мнение на основании изучения парламентской элиты РФ, хотя Государственная дума (в настоящее время) не является влиятельным политическим актором: Oxana Gaman-Golutvina. *Parliamentary Representation and MPs in Russia: Historical Retrospective and Comparative Perspective* // Semenova, Edinger, Best (Eds.). *Parliamentary Elites*. Pp. 241-260.

⁴² А. А. Фисун. *Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации*. Харьков, 2006. С. 154. Шмуэль Эйзенштадт суть неопатримониализма видит в независимости политического центра от периферии, управлении государства как частного владения немногочисленных правящих групп, а также в патронажных отношениях, в рамках которых воспроизводятся клановые, региональные, семейные и прочие связи в виде системы современных экономических и политических отношений. Ш. Эйзенштадт *Революция и преобразование обществ*. Москва, 1999, С. 324-359. Александр Фисун характерными чертами именно постсоветских неопатримониальных режимов полагает «1) формирование класса рентоориентированных (rent-seeking) политических предпринимателей, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности; 2) частное – в той или иной степени – использование государственно-административных ресурсов...; 3) решающая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в структурировании политико-экономического процесса...» Фисун. *Демократия*. С. 164-165.

кризиса институтов в современном постсоветском обществе. Потому вслед за Кирило Лукеренко я вижу здесь “пожарную” организацию власти, вызванную смертью идеологий, аномией и общественной нестабильностью.⁴³

Институциональная аморфность и политическая неструктурированность в этой системе компенсируются прямыми межличностными отношениями солидарности, доминирования и подчинения. В результате поддержание социальных сетей и иерархий оказывается в очень большой степени зависимым от персонифицированного символического капитала (а не, скажем, абстрактного авторитета должности или императива нормы закона). По крайней мере, по своей форме такие социальные отношения напоминают догосударственную и внегосударственную потестарность – архаичную власть старейшины, основанную в основном на традиции и личном авторитете. Потестарная власть буквально “патриархальна”, и хотя в современном обществе она проявляется и функционирует иначе, чем в древности, типологическая близость с архаической догосударственной социальной системой позволяет характеризовать постсоветскую социальную среду в категориях “неопатримониализма”.

Речь, таким образом, идет о политологической модели, описывающей структурообразующие черты политического режима, отражение и/или преломление которых может быть с достаточной мерой надежности прослежено на примере Академии. Главная гипотеза моего исследования заключается в том, что структура научного поля Украины в основных чертах воспроизводит структуру ее политического поля, и на их пересечении возникает *неопатримониальная наука*. К числу ее важнейших характеристик относятся следующие четыре.

Во-первых, научный капитал формируется посредством административного ресурса. Понятие “формирование научного капитала посредством административных средств управления” вводится по аналогии с известной тенденцией неопатримониальных режимов, согласно которой накопление (экономического) богатства “происходит не через присвоение средств производства, а прежде всего через присвоение административных средств управления”.⁴⁴ Другими сло-

⁴³ К. Лукеренко. “Пожарная” организация власти: семейные кланы как принцип политической организации // Семейные узы: Модели для сборки / Под ред. С. Ушакина. Кн. 2. Москва, 2004. С. 324-352.

⁴⁴ Другими словами, “экономические требования и экономическая политика, как правило, сосредотачивались в большей степени на доступе к ресурсам, властным

вами, успех в экономической деятельности предполагает не создание благоприятных условий для инвестиций, внедрения инноваций и перманентной модернизации производства, а прежде всего доступ к позициям, дающим возможность перераспределять ресурсы. Соответственно, преломление в Академии этого принципа означает, что успех в научной деятельности связывается с контролем над позициями, позволяющими получать научные степени и делать это, игнорируя обязательные атрибуты наподобие успешного решения головоломок или разработки идей.

В свою очередь, если научные степени индивиды получают извне (Академии), как бы имеющие очевидный приоритет перед любыми другими группами, можно ожидать дисбаланса, принципиально отражающего наличие более высокого социального статуса у представителей одних профессий в сравнении с другими вне академической среды. Поскольку неопатримониальная перспектива имплицитно отражает очевидный приоритет политической сферы, можно прогнозировать менее высокий процент защит диссертаций представителями бизнеса и более высокий – политиками. Кроме того, в рамках последних можно ожидать явного перекоса в пользу “представителей исполнительной власти”, т. е. индивидов, защищающих диссертации во время пребывания на должностях, связанных с *управлением* государственными делами.

Как показывает мое исследование, успех в *неопатримониальной науке* связывается с контролем над назначаемыми,⁴⁵ выборными⁴⁶ и/или

позициям и должностям, чем на поддержке новых типов экономической деятельности и новых форм статусных и классовых отношений”. Эйзенштадт. Революция. С. 331.

⁴⁵ Т. е. должности, замещаемые исключительно путем назначения, введения в штат с присвоением чина и подчинения нормам устава и направленные на решение организационно-управленческих задач, предусмотренных в той или иной области соответствующим государственным органом. Примеры: глава Донецкой ОГА, глава Ужгородской районной государственной администрации, Премьер-министр Украины, глава Администрации Президента Украины, министр угольной промышленности Украины, председатель Государственной налоговой администрации Украины, голова Счетной палаты, заместитель Секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины и др.

⁴⁶ Т. е. должности в государственном аппарате или системе местного самоуправления, занимаемые в результате избрания либо населением, либо представительным органом государственной власти или местного самоуправления. Примеры: глава ВР АР Крым, глава Севастопольского горсовета народных депутатов, мэр Харькова, народный депутат Украины, глава Запорожского областного совета и др.

хозяйственно-управленческими⁴⁷ позициями, позволяющими получать научные степени, не занимаясь систематически оригинальными исследованиями – основой формирования интеллектуальной идентичности. При этом назначаемые должности обладают, несомненно, большим потенциалом в рамках постсоветской Академии, нежели выборные или хозяйственно-управленческие. Скажем, 12,3% глав ОГА и 11,7% глав советов разного уровня получили научные степени после 1992 г. во время пребывания на управленческих должностях. Что касается выборных должностей, 17,7% глав ОГА и 29,9% глав облсоветов получили свои научные степени, имея в качестве основного места работы такого рода должности. Наконец, 49,9% глав ОГА и 22,1% глав облсоветов защитили свои диссертации, пребывая на назначаемых должностях, а если учитывать чиновников, получивших научные степени до 1992 г., этот процент вырастает еще на 6,3 и 14,3%, соответственно.

Другими словами, представители исполнительной власти обладают более благоприятными возможностями для установления контроля над административными средствами накопления научного капитала в украинской науке. Имеющаяся диспропорция во властных защитах глав ОГА и облсоветов однозначно отражает их сравнительную значимость в украинской политике.

Во-вторых, обращает на себя внимание специфический контингент участников, когда место исследователей с нормальными (типичными) академическими карьерами занимают представители политики и/или бизнеса. В основании научной карьеры последних лежит отсутствие “ясно определенных сфер компетенции, которые являются объектом имперсональных правил”, вследствие чего не имеет особого значения “специальная подготовка в качестве необходимого условия” для выполнения той или иной деятельности.⁴⁸

Научная деятельность, подобно любому другому виду деятельности, в целях достижения успеха (под которым в данном случае понимается исключительно получение научных степеней) предусматривает процесс длительных и непрерывных инвестиций. Последние, в частности, включают мотивированный выбор образования, а также определенный

⁴⁷ Это должности, получаемые в ходе (само)назначения или избрания совета акционеров и предполагающих непосредственное решение экономических задач, направленных на получение прибыли возглавляемым предприятием. Примеры: генеральный директор ПО “Шахтарськвугілля”, основатель компании “Ольвия-Бета”, генеральный директор государственного предприятия “Златодар”, глава правления АОЗТ “Интергаз” и др.

⁴⁸ Р. Теобальд. Патримониализм // Прогнозис. 2007. № 2. С. 172.

период времени, требуемый как для формирования релевантных навыков, так и для разработки собственных идей. Итогом становится приобретение особой компетенции, отличающей представителей различных профессиональных групп, и достижение определенного места в профессиональной иерархии на основании критериев, апробированных в ходе развития научной дисциплины.

Наличие *неопатримониальной науки* должно означать отрицание всего выше сказанного, особенно в части, касающейся выбора образования и непрерывности накопления научного авторитета. Соответственно предполагается, с одной стороны, несовпадение базового образования со специальностью, по которой проходит защита диссертаций чиновниками. С другой стороны, ею имплицитно подразумевается больший разрыв между получением образования и защитой диссертаций со стороны чиновников, нежели то можно наблюдать среди других профессиональных групп.

Украинским чиновникам от науки присущ длительный латентный период (свыше 21 года от момента получения высшего образования), требуемый для реализации их научных склонностей в кандидатской диссертации. Этот интервал в 7 раз превышает аналогичный показатель для чиновников, получивших научные степени до занятия выборных, назначаемых или хозяйственно-управленческих должностей. Кроме того, они обладают “способностью” в условиях напряженной и ответственной основной работы эффективно и в сжатые сроки защищаться по специальностям, не совпадающими с их базовым образованием (40% глав ОГА и 32,4% глав облсоветов). Это дает им в среднем двукратный выигрыш по времени при защите докторских диссертаций (4–6 лет после получения кандидатской степени для глав ОГА и 4–8 лет для глав облсоветов) в сравнении с учеными с традиционными карьерами, которым требуется не менее 12 лет для подготовки докторской диссертации. Наконец, в случае защит губернаторов после 1992 года удельный вес индивидов со степенью, несовпадающей по специализации с полученным ранее образованием, составляет 40% (с учетом сомнительных случаев) или 36% однозначных совпадений. Руководители областных советов в этом отношении чуть менее показательны, поскольку совокупная доля защит для трех категорий релевантных должностей и несовпадающими образованием и специальностью составляет 32,4%, как и доля совпадающих случаев – 32,4 %.⁴⁹

---

⁴⁹ Может показаться, что я предвзято подхожу к этому вопросу, пренебрегая свободой выбора, не признавая права на ошибку при выборе образования и не обращая

В-третьих, шансы получить научную степень повышаются прямо пропорционально длительности пребывания на ответственном посту, и наоборот. Частный характер власти при неопатримониальных режимах предполагает рассмотрение практически всех социальных институтов в качестве собственной вотчины,⁵⁰ характер операций с которой не ограничен соглашениями или договоренностями.

Определенный ранг во властной иерархии открывает доступ к ряду подчиненных институтов, в том числе и высшей школе, контроль над которыми фактически равняется их владению. Быть чиновником при неопатримониальном режиме – это, по сути, приватизировать множество “общественных функций и институтов”, количество и полнота контроля которых определяется рангом и длительностью пребывания в должности. Например, 55,9% глав ОГА и 58,8% глав облсоветов подготовили и успешно защитили диссертацию после того, как не менее трех лет занимали свой пост. Если чуть снизить временной порог, то для 85,3% глав ОГА и 82,3% глав облсоветов требуется как минимум 2–3

внимания на значимость социальных трансформаций в определении мотивации и актуализации скрытых научных интересов и склонностей. Однако оправданность подобного подхода диктуется редкостью атипичных карьер (в плане совпадения/несовпадения базового образования и специальности, по которой получается научная степень) для тех чиновников, которые пришли в политику, уже имея легитимное признание в научном поле. В частности, среди губернаторов, защитившихся после 1992 г., не зафиксировано ни одного случая несовпадения образования и дальнейшей научной специализации. К тому же в подавляющем большинстве случаев несовпадения очевидны и нелепы, но в неопатримониальной науке самые экзотические и сюрреалистические карьеры не только возможны, но и стремятся к тому, чтобы стать правилом. В среде высокопоставленных чиновников должность превращает “инженера-электрика” в доктора экономических наук (С. А. Давимука), а специалиста в области физического воспитания – в кандидата и доктора юридических наук (М. М. Цимбалюк). Должность подобна философскому камню, поскольку способствует трансформации инженеров в специалистов по государственному управлению (А. Близняк) и перерождению легендарных физиков в лириков-экономистов (М. Н. Папиев).

⁵⁰ Макс Вебер об этом писал следующим образом: “Патримониальным институтам, прежде всего, недостает бюрократического разделения сферы частного и приватного. Политическое управление рассматривается правителем в качестве исключительно персонального предприятия, а политические полномочия существуют как часть его личной собственности, которая может приносить доход в виде налогов и дани”. Соответственно, “в своем чистом типе патримониальное господство, особенно в сословной форме, рассматривает все управленческие полномочия, с соответствующими экономическими правами, в качестве частным образом апроприированных экономических возможностей”. Цит. по: Фисун. Демократия. С. 153, 151.

года напряженной работы на посту, чтобы в полной мере реализовать фактически *предписанный* высокопоставленной должностью научный потенциал. В целом, тенденция заключается в повышении шансов для любого главы ОГА и/или облсовета получить научную степень по мере увеличения срока пребывания на ответственном посту, и наоборот.

В-четвертых, *неопатримониальная наука* картографируется по принципу “центр/периферия”. Для этого региональная классификация специализированных ученых советов, в которых чиновники получают свои научные степени, сравнивается с аналогичной классификацией, но выполненной для мест регионального расположения должностей, с которых осуществляется защита диссертаций. Предполагается, что в *неопатримониальной науке* наименее “сильные” (прежде всего, в плане переплетения бизнеса и политики) регионы Украины характеризуются наибольшим количеством защит не по месту работы – даже при условии существования собственных специализированных ученых советов.

Наиболее это заметно в случае с главами облсоветов Западной Украины, т. е. региона более значимого с символической, нежели с политико-экономической точки зрения, где на 32% соответствующих защит приходится 14% случаев защит диссертаций в специализированных ученых советах, расположенных в этом же регионе. С другой стороны, регион Восточной Украины, репрезентирующей крупнейшие региональные политические элиты (днепропетровскую, донецкую и харьковскую), характеризуется наивысшим процентом (23,5%) получения научных степеней “по месту работы”,⁵¹ в то время как еще 23,5% защит чиновников в Восточной Украине происходили в то время, когда они занимали те или иные должности в Западной, Центральной и Южной Украине. Для сравнения: 20,6% защит чиновников из Западной Украины происходили в Центральном, Восточном регионе и Киеве, и лишь 8,8% – в местных спецсоветах.

Таким образом, в общем смысле “неопатримониальную науку” можно определить как *систему значимых взаимодействий академических исследователей, представителей бизнеса и власти, обусловленную или даже детерминированную в основных чертах сущностными характеристиками неопатримониального политического режима, конечным*

---

⁵¹ Таким образом, доля Восточной Украины в защите диссертаций по месту работы примерно на треть выше совокупной доли остальных регионов: Западная Украина в этом отношении уступает почти в три раза (8,8%), в то время как удельный вес подобных защит для Южной Украины, Крыма и Центральной Украины составляет 5,9, 0 и 2,9% соответственно.

итогом чего становится исключительно перформативный ритуал обретения научной степени (и превращение ее в симулякр).

С точки зрения составляющих ее элементов своеобразие неопатримониальной науки заключается (а) в специфическом контингенте (ведущих) акторов, обладающих (б) особым типом (практической) мотивации, основания которой (в) “вписаны” в вотчинный характер должностей, что (г) приводит к формированию научного капитала посредством административных средств управления последним, вследствие чего (д) значение приобретают не подготовка и компетенция, а принадлежность/близость к наиболее успешной в деле политизации бизнеса региональной элите.

Aggrandizers при неопатримониализме: мотивация украинских чиновников в Академии

Приведенные характеристики неопатримониальной науки предполагают специфический тип вовлеченной в нее личности, мотивация которой получать научные степени не может быть связана с традиционными стимулами, такими как деньги, страховка, престиж и фобии. Рассмотрим более подробно применимость этих категорий для объяснения мотивации чиновников в науке.

Одним из наиболее популярных у блоггеров, журналистов и ученых является *денежный мотив*, т. е. желание заработать на научной степени. Тем не менее журналистские расследования показывают, что сами чиновники не знают размера надбавок за степень,⁵² а компаративные исследования систем вознаграждения в Академии убеждают, что даже в развитых странах “заработная плата преподавателей отстает от заработной платы представителей других профессий, требующих примерно того же образования”.⁵³ Скажем, если обратиться к данным по России, то стоимость написания докторской диссертации “под ключ”, по свидетельству Тагира Калимуллина,⁵⁴ может достигать 50 тыс. долл.

⁵² “Как показал опрос ‘Вестей’, ни один из нынешних кандидатов и докторов в Раде так и не смог ответить на вопрос, какую надбавку к зарплате он получает за научную степень”. В Раде стремительно растет число кандидатов и докторов наук // <http://vesti.ua/politika/20394-v-rade-stremitelno-rastet-chislo-kandidatov-i-doktorov-nauk>. Посл. посещ. 4 октября 2014 г.

⁵³ Ф. Альтбах, Л. Райсберг, И. Пачеко. Академическое вознаграждение и контракты: мировые тенденции и реалии // Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов / Под ред. Ф. Альтбаха и др. Москва, 2012. С. 25.

⁵⁴ Т. Р. Калимуллин. Российский рынок диссертационных услуг. Препринт WP4/2006/02. Москва, 2006.

Легко подсчитать, сколько бы пришлось работать для покрытия всех издержек, скажем, российскому чиновнику в академической сфере, где заработная плата на “25–50% ниже, чем средняя заработная плата по экономике”. При этом только преподавание одновременно в нескольких вузах и участие в исследовательской деятельности может серьезно повысить доходы (примерно до 23 тыс. руб. в 2008 г. при средней ежемесячной заработной плате по экономике в 14,9 тыс. руб.).⁵⁵ Естественно, никакая официальная надбавка к той или иной административной должности вне стен Академии также не способна покрыть соответствующие денежные траты.

В Украине наблюдается сходная ситуация. Как сообщается на одном из профильных сайтов, “стоимость кандидатской диссертации коррелируется в зависимости от научной организации и кода специальности. Дешевле всего кандидатская обойдется гуманитариям, а дороже всего – физикам, химикам, медикам и математикам”. В среднем написание кандидатской диссертации под ключ в солидной организации обойдется в 24 тыс. долл.⁵⁶ Стоит отметить, что месячная зарплата доцента с 10-летним стажем (со всевозможными стандартными доплатами) по состоянию на ноябрь 2014 г. составляет, если ориентироваться на официальный курс доллара, чуть больше 200 долл. Сказанное, впрочем, не исключает возможности извлечения высоких доходов из факта обладания научной степенью. Например, Владимир Литвин, бывший глава Администрации Президента Украины, потом спикер Верховной Рады, ставший затем академиком НАН Украины, источником большей части своих доходов указывает преподавательскую, научную, творческую деятельность и авторские вознаграждения.⁵⁷ Его заработная плата в 2012 году составила 242.880 грив., доход от преподавательской, научной и творческой деятельности, авторское вознаграждение – 539.565 грив., дивиденды по депозитам – 205.498 грив. (при среднем курсе доллара в 8 грив.). Сходная структура доходов воспроизводится и в более ранних его налоговых декларациях.

---

⁵⁵ Г. Андрушак, М. Юдкевич. Высшее образование в России: заработная плата и контракты // Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов / Под ред. Ф. Альтбаха и др. Москва, 2012. С. 296, 300.

⁵⁶ Сколько стоит кандидатская диссертация? // <http://aspirantura.org.ua/page/skolko-stoit-kandidatskaya-dissertatsiya-286.php>. Посл. посещ. 4 октября 2014 г.

⁵⁷ Владимир Литвин автор некоторых скандально известных учебников по истории Украины, один из которых был уличен в плагиате. Более подробно см.: Портнов. Республика.

Сомнительно, однако, что подобные доходы вызваны именно наличием научных степеней, а также то, что основной массе украинских чиновников удается извлекать сопоставимые доходы.

Если взять ряд наиболее заметных чиновников, чьи должности потенциально позволяют им добиться максимальной капитализации научных степеней, то ситуация выглядит не столь однозначно. Например, доход от преподавательской, научной и творческой деятельности Дмитрия Табачника, одиозного бывшего министра образования Украины, в период 2009–2012 гг. неуклонно падал. Если в 2009 г. он составлял 79,4 тыс. грив., то есть менее 10% от почти 832 тыс. грив. общего дохода, то в 2012 г. он чуть превышал 55 тыс. грив., в то время как общий доход примерно равнялся 2,7 млн грив. Николай Азаров, бывший премьер-министр Украины, в 2009, 2010 и 2012 г. за научную и преподавательскую деятельность получал абсолютно одинаковую сумму в 40,8 тыс. грив. Стоит также упомянуть Виктора Януковича, который, по всей видимости, капитализировал свою степень лишь в период первого премьерства: в 2004 г. общая сумма его дохода составляла 42.654 грив., из которых почти 3.854 грив. приходились на доход от научной, преподавательской и творческой деятельности. В период 2008–2012 гг. “научный доход” в налоговых декларациях не указывался – если не считать получения почти 4 млн долл. в качестве аванса за так и не написанные книги от типографии (не издательства!) в 2011–2012 гг.

В качестве предварительной гипотезы можно предположить, что успешно капитализировать научную степень способны лишь те, кто обладает достаточной властью добиться подобной капитализации. То есть “экономический” аспект символического капитала научной степени неотделим от политического. При всем различии пребендальных доходов с научной степени Владимира Литвина, Дмитрия Табачника, Николая Азарова или Виктора Януковича они, насколько можно судить, несопоставимы с соответствующими доходами менее высокопоставленных чиновников. И это правило, конечно, находится в полном соответствии с характером неопатримониального режима как игнорирующего структурное разделение сфер экономического и политического.

Административный мотив, или “золотой парашют”, т.е. получение научных степеней “на всякий случай”.⁵⁸ Говоря словами скандально

---

⁵⁸ Марина Кармазина следующим образом комментирует резкий всплеск количества защищаемых диссертаций по политическим наукам в 2004–2006 гг. (период после президентских выборов): “Коллеги-ученые относительно этого высказали

известного Сергея Кивалова, это “никогда не помешает”⁵⁹ “в качестве запасного аэродрома”, например в виде приземления на ректорскую или хотя бы деканскую должность.⁶⁰ Однако проведенные мною расчеты показывают, что, например, среди украинских губернаторов, имевших степень, менее 20% в определенный (и краткосрочный) период времени воспользовались возможностями “профильного” трудоустройства, даруемыми их научными степенями. Этого недостаточно для признания обоснованности предположения, согласно которому чиновниками движет желание иметь “запасной аэродром” в академической сфере.⁶¹

Следующий мотив – *символический*, или желание повысить собственный престиж/статус путем приобщения к освященному временем источнику настоящего знания. Другими словами, речь идет об усмотрении в практике получения степеней признаков престижного потребления⁶² – по аналогии с демонстрационным потреблением, описанным Торстеном Вебленом.⁶³ Проблема, однако, заключается в невозможности понять, *что именно* демонстрируется в случае получения научных степеней чиновниками. В основании демонстрационного потребления

абсолютно субъективное допущение (но которое, безусловно, имеет право на существование): смена властных ‘команд’ вынудила их членов и приближенных ‘запасаться’ научными степенями ‘на всякий случай’.” М. Кармазина. *Політична наука в Україні: дисертаційний аспект* // *Політичний менеджмент*. 2008. № 3. С. 26.

⁵⁹ В Раде стремительно растет число кандидатов и докторов наук.

⁶⁰ В. Ильин. Ученые степени чиновников и депутатов как “золотой парашют” // <http://7x7-journal.ru/post/27315?r=komi>. Посл. посещ. 4 октября 2014 г.

⁶¹ Михаил Соколов в личной переписке указал на то, что гипотеза о золотом парашюте может быть верной, если окажется, что защищаются “скорее немолодые чиновники, поскольку молодые, выброшенные из системы, всегда легко уйдут в бизнес”. Мой контраргумент заключается в том, что для подавляющего большинства чиновников вероятность начать карьеру ученого коррелирует не столько с возрастом, сколько с той деятельностью, которая предшествовала политической. Другими словами, чем теснее тот или иной чиновник был связан с Академией в прошлом (очное образование, аспирантура, инженер в вузе...), тем выше шансы на то, что после окончания своей чиновничьей карьеры, он вернется в родную альма-матер. И малый процент тех, кто после политики выбрал Академию, может служить хорошим аргументом в пользу данного предположения, равно как и свидетельством того, сколь малую ценность для чиновников представляет современная (украинская) наука. Как в плане рекрутирования кадров для политики, так и в смысле возвращения и/или пришествия бывших чиновников на релевантные руководящие должности.

⁶² В. Гельман *Диссертации престижного потребления* // http://slon.ru/russia/dissertacii_prestizhnogo_potrebleniya-400936.xhtml. Посл. посещ. 4 октября 2014 г.; Калимуллин. *Российский рынок*. С. 22.

⁶³ Т. Веблен. *Теория праздного класса*. Москва, 2010.

лежит исключительность и/или редкость, а потому выпячивание, скажем, дорогих и бесполезных вещей есть некий код, позволяющий узнать своих. Как можно осуществить подобную демаркацию в условиях, когда научную степень (в Украине) может получить любой аспирант, обладающий толикой настойчивости? Обе степени (полученная чиновником и аспирантом) эквивалентны, чего точно нельзя сказать о получающих их индивидах, а потому референт демонстрации остается полной загадкой.⁶⁴ По мнению Владимира Ильина, “о престиже речь не идет. Никто в научном сообществе всерьез не принимает степени людей, которые никогда не занимались наукой. И диплом кандидата или доктора, полученный на досуге, ничего не меняет. В обществе в целом они тоже не вызывают ничего, кроме иронии”.⁶⁵

Наконец, *терапевтический* мотив – это стремление избавиться от комплекса неполноценности или достичь духовного превосходства над средой. Полноценное исследование в этом направлении требует отсутствующих ныне валидных данных, которые бы позволили осуществить *текстуальный психоанализ* дискурса чиновников. Тем не менее для некоторых психологов все уже ясно:

На вопрос, зачем бизнесмены и прочие далекие от науки люди выстраиваются в очереди за научными званиями, у кандидата наук и практикующего психолога Светланы Лихолетовой есть свой ответ. “После педагогов среди защитившихся в Украине лидируют политики и бизнесмены, – утверждает она. – Для них научное звание – это типичный способ изжить комплекс неполноценности. Рано или поздно эти люди “наедаются” властью и деньгами. Следующий этап – жажда духовного превосходства над средой. Посмотрите на темы диссертаций Януковича, Шуфрича, Горбала и на их должности во время защиты, и вам все станет ясно”.⁶⁶

⁶⁴ Единственный случай, когда данный мотив может быть частично верным – это ситуация, когда чиновники “вдохновляются” примером некоей референтной группы, в роли которой могут быть иностранные чиновники. Поскольку в Украине чиновники редко рекрутируются из академической среды, в действительности можем наблюдать “завистническое представление о статусе и заслугах” (Т. Веблен), лежащее в основании демонстрационного потребления. Причина, в силу которой даже в этом случае мы имеем дело лишь с частичным объяснением, будет указана в этом же параграфе.

⁶⁵ Ильин. Ученые степени.

⁶⁶ А. Котова. Время остепеняться: по числу кандидатов и докторов наук Украина является одной из самых учёных стран Европы // <http://focus.ua/society/50473>. Посл. посещ. 4 октября 2014 г.

Если рассмотреть мотивацию чиновников сквозь призму неопатримониализма, все ранее перечисленные мотивы (деньги, честолюбие, подражание, стремление к визуализации компетентности и т. п.) являются не самостоятельными и самодостаточными факторами, а производными от более широкого контекста. Голод можно признать первичным и ни к чему не редуцируемым побуждением, но в отношении социальных и более сложных желаний такого уже нельзя утверждать. Референт нашего хотения и воления во многом обусловлен осознанием наших возможностей. Перефразируя Пабло Пикассо, утверждавшего, что сначала он находит, а потом уже ищет, можно сказать, что стремление украинских чиновников к научным степеням детерминировано прежде всего их возможностью добиться желаемого. Имеющиеся возможности единственно и провоцируют (украинских) чиновников ощущать себя достойными научной степени, хотя во всех остальных случаях от академического мира они были бы надежно отделены релевантными барьерами.

В целом мотивацию украинских чиновников я полагаю (неопатримониальной) разновидностью мотивации специфического типа личности, в антропологии первобытных племен получившего наименование *aggrandizer*. Как указывает ряд авторов,⁶⁷ *aggrandizers* – это особая группа индивидов, часто описываемая как три-А-личности: агрессивные, амбициозные и алчные. Их отличают неумные эгоистические устремления, коренящиеся в том, что все *aggrandizers* обладают “внутренним двигателем, внутренним побуждением улучшать собственные условия жизни и собственный репродуктивный успех”.⁶⁸ Три-А-личности присутствуют в каждом обществе и часто выступают инициаторами изменений в социальной структуре (по мнению Б. Хейдена, *aggrandizers* могли даже стоять у истоков сельского хозяйства). Многие дефицитные ресурсы для *aggrandizers* сами по себе не являются целью, в то время как конкуренция за престиж первична. Другими словами, обладание престижными вещами важно прежде всего как

---

⁶⁷ John E. Clark, Michael Blake. The Power of Prestige: Competitive Generosity and the Emergence of Rank Societies in Lowland Mesoamerica // Elizabeth M. Brumfiel, John W. Fox (Eds.). *Factional Competition and Political Development in the New World*. Cambridge, 1994; Brian Hayden. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 1998. No. 5 (1); Aimée M. Plourde. Prestige Goods and the Formation of Political Hierarchy. A Costly Signaling Model // Stephen Shennan (Ed.). *Pattern and Process in Cultural Evolution*. Berkley, 2009.

⁶⁸ Hayden. *Practical*. P. 19.

знак, индикатор силы некоей группы и лидера, борющихся за власть и статус с другими кланами.

Исходя из этого посыла я рассматриваю научные степени *per se* в качестве разновидности престижных вещей, которые выступают не символом богатства, но “силы” в ходе фракционной или клановой борьбы. Борьба за статус и/или власть первична, престижные вещи лишь показывают силу и успех в этой борьбе, и они ничего не значат сами по себе. Их распространение среди (украинских) чиновников – это и показатель силы и/или успеха конкретного *aggrandizer*, и одновременно вознаграждение со стороны соответствующей группы, ибо самым успешным *aggrandizer*’ом является тот, кто “на наиболее надежном основании”⁶⁹ может награждать максимальное количество последователей.⁷⁰

Поскольку сказанное выше можно отнести и к “нормальной науке”, где также есть свои “академические банды”,⁷¹ особо следует оговорить целевую аудиторию участников процесса. Научные степени – это капитал, который, говоря словами Г. Дерлугьяна,⁷² основан “на взаимном признании участниками данной сферы деятельности правил игры и друг друга в качестве игроков”. Участниками этой игры является не столько “социум” в виде избирателей или “широкой общественности”, и уж тем более не академические исследователи, а прежде всего сами чиновники. Сомнительно, чтобы основные акторы неопатримониальной науки целевой аудиторией собственных работ воображали академических исследователей либо же полагали, что научная степень поможет им решить проблемы, стоящие перед “обществом”. Потому

⁶⁹ Clark, Blake. The Power. P. 21.

⁷⁰ Надо признать, что научные степени, при всей их привлекательности для академических исследователей, для высокопоставленных чиновников представляют собой престижную вещь весьма средней, насколько можно судить, ценности. Это то, что получают (стремятся получить) далеко не в первую очередь. Этим во многом, с моей точки зрения, объясняется отсутствие общественного резонанса малочисленных разблачений “липовых” научных степеней на постсоветском пространстве.

⁷¹ Томас Дж. Шефф. Академические банды // <http://old.russ.ru/edu/99-04-02/scheff.htm>. Посл. посещ. 4 октября 2014 г. Пол Фейерабенд был одним из первых, кто провел параллель между научной деятельностью и организованной преступностью. См.: П. Фейерабенд. Утешение для специалиста // П. Фейерабенд Избранные труды по методологии науки. Москва, 1986. С. 109-124.

⁷² Г. Дерлугьян Суверенная бюрократия: тезисы к изучению властвующих элит постсоветской Евразии // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 5. Харьков, 2007. С. 212.

их целевой аудитории следует признать отнюдь не “общество”, а *преимущественно себе подобных*.⁷³

В этом пункте на мотивацию указанного типа личности свой отпечаток накладывает характер неопатримониального политического режима. В том смысле, что он благоприятствует рекрутированию в группу обладателей научных степеней тех высокопоставленных украинских чиновников, основу мотивации которых составляет безусловный приоритет *действия*, не всегда отрефлексированного и рационально просчитанного. Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на примеры заведомо нерациональных и с точки зрения здравого смысла абсолютно абсурдных действий чиновников. Например, на прямую корреляцию количества и характера получаемых степеней от количества и характера занимаемых постов. Карьера в науке Валерия Николаевича Шмарова может служить наглядной иллюстрацией такой закономерности:

Базовое образование: экономист, Киевский государственный университет (1972).

Работа: начальник лаборатории, заместитель начальника отдела, начальник цеха, начальник производства ПО “Київський радіозавод” (1973–1987). Директор Жулянского машиностроительного завода (1987–1992).

Актуализация научных интересов–I: 1-й заместитель генерального директора Национального космического агентства Украины, вице-премьер-министр Украины по вопросам деятельности ВПК, и. о. министра обороны Украины, вице-премьер-министр – министр обороны Украины и министр обороны Украины (1992–1996).

Акме–I: степень кандидата технических наук (“Принципи побудови лазерних систем визначення місцевої вертикалі космічного апарата”) (1996).

Актуализация научных интересов–II: генеральный директор Государственной компании по экспорту и импорту продукции и услуг военного и специального назначения (2002–2005).

Акме–II: степень доктора технических наук (“Методи дистанційного контролю геометричних параметрів великогабаритних виробів”) (2006).

Сейчас: Неизвестно.

---

⁷³ Сами исследователи настаивают на академической свободе, но в конечном итоге они апеллируют к “обществу”, сколь бы воображаемым оно не было. Именно потенциальная возможность решения социальных, экономических, политических и других проблем обуславливает траты на создание ученым благоприятных условий, а полученные результаты во многом определяют престиж научной степени.

На этом примере видно, что должность определяет не только степень, она также определяет и ее научную сферу. Если вы курируете космическую промышленность страны, ваша диссертация так или иначе будет связана с космической отраслью. В случае занятия руководящего поста в области экспорта и импорта крупногабаритных грузов ваша диссертация будет отражать этот род деятельности. То, что занимаемые посты несовместимы с напряженной научной работой, а также могут быть не связаны друг с другом, – это то, что выносятся за скобки.

Случай В. Н. Шмарова не самый распространенный в том плане, что далеко не все чиновники получают и кандидатскую и докторскую степени, не говоря уже о научных степенях по различным специальностям. Однако он типичен в смысле соответствия изучаемой практики принципам *aggrandizers*-в-науке, поскольку вскрывает весь гротеск и сюрреализм ситуации. Ведь на самом деле мотивы, заставляющие чиновников получать несколько научных степеней, и получать их в зависимости от занимаемой должности, вообще непонятны: зачем две, три, четыре ложки, если рот один? Зачем копить научные степени, если их количественный рост автоматически нивелирует престижность владения, потому что снижает вероятность их подлинности? Зачем тратиться на то, что экономически и/или репутационно невыгодно?

Признав нелогичность подобной практики в качестве именно абсурда, я полагаю, что в данном случае речь идет о весьма специфической, апроприирующей (присваивающей) мотивации *aggrandizers*, которая должна быть рассмотрена с двух точек – структурной и личностной. Во-первых, важен контекст, укорененный в изжитом, казалось бы, прошлом, когда “получивший должность человек, как правило, обретал вместе с ней и право на нее”,⁷⁴ включая также и возможность капитализации всех (открывающихся) при этом возможностей. Таким образом, мы имеем дело с неким извращенным отражением известного стремления к самоактуализации с той оговоркой, что потенциал в данном случае находится не внутри самости, а напрямую подчинен должности, т. е. аскриптивен по своей сути. С другой стороны, такое восприятие

---

⁷⁴ Как отмечал Макс Вебер, “получивший должность человек, как правило, обретал вместе с ней и право на нее. Он владеет средствами управления подобно тому, как ремесленник владеет средствами производства. Из своих доходов он оплачивает издержки управления или отдает господину только часть доходов, оставляя остальное себе. В ряде пограничных случаев должность может быть наследственной и отчуждаемой, подобно любой другой собственности” (цит. по: Фисун. Демократия. С. 154).

базируется и одновременно становится возможным благодаря определенному складу личности. Его формальной характеристикой можно полагать *немедленное использование всех имеющихся возможностей*: чиновники получают степени просто потому, что у них есть возможность их получать. Для личности с такого рода складом не воспользоваться (какой-либо) возможностью – вот подлинное преступление и основание для презрения со стороны (окружающих/подобного круга лиц). И любые другие попытки расчленить этот континуум обречены на провал, ибо будут представлять собой психическую рационализацию ситуации, в которой действие важнее и приоритетнее слов.

В этом смысле один из наиболее симптоматичных и даже парадигмальных примеров являет Николай Петрович Сорока, бывший губернатор Ровенской области:

Базовое образование: Украинская сельскохозяйственная академия, “инженер-механик сельского хозяйства” (1974).

Работа: главный инженер колхоза им. Б. Хмельницкого Новоград-Волынского района, заместитель управляющего, главный инженер Рокитнянского районного объединения “Сельхозтехника” Ровенской области. Начальник управления, заместитель председателя по экономическим вопросам Ровенского областного объединения “Сельхозтехника”. Начальник отдела новой техники Ровенского областного агропромышленного комитета, глава Ровенского областного производственного объединения “Агропромремтранс”. Генеральный директор Ровенского областного производственного объединения “Облагротехсервис”, генеральный директор Ровенского областного государственного предприятия по материально-техническому и сервисному обеспечению “Облагротехсервис”. Глава правления ОАО Ровенское областное государственное предприятие по материально-техническому и сервисному обеспечению “Облагротехсервис”.

Актуализация научных интересов–I: глава Ровенской областной государственной администрации (1997–2005).

Акме–I: степень кандидата экономических наук (“Організаційно-економічний механізм екологізації підприємницької діяльності”, 2000).

Автор трех монографий: “Інвестиційна привабливість агропідприємництва” (2000), “Економічна стратегія екологічного розвитку підприємницьких структур” (2000), “Організаційно-економічний механізм екологізації підприємницької діяльності” (2001).

Акме–II: научное открытие № 225 “Закономірність стабілізації температури гірничих порід на межах геологічних формацій, що вміщують точкові термічні джерела” (реєстр. № 268 от 28.05.2003, г. Москва).

Сейчас: народный депутат Украины.

Данный случай убеждает в том, что научная степень приходит только после занятия высокой административной должности, и происходит это спустя более четверти века после получения базового образования. Также стоит отметить чрезвычайно высокую (интеллектуальную) продуктивность исключительно в период губернаторства, т. е. черты, которые характеризуют и других высокопоставленных чиновников. Новизна же заключается в более отчетливом понимании, что речь идет не столько о связи между должностью и степенью, сколько о связи между определенным социальным институтом и личностными конструктами рекрутируемых *aggrandizers*. Губернатор, “без отрыва от производства” получающий научную степень, публикующий научные монографии и при этом на профессиональном уровне занимающийся геологическими изысканиями, – можно ли представить себе лучшую иллюстрацию человека, все релевантные качества которого редуцируемы исключительно к способности по немедленной капитализации имеющихся возможностей?!

Именно в этом “пункте” и сходятся психические характеристики личности *aggrandizer* и политический контекст ее деятельности. Неопатримониальный режим, основывающийся на клиентарно-патронатных отношениях, повышает риски занятия публичной политической деятельностью, так как карьера чиновника в основном зависит от личного и часто неустойчивого расположения патрона. Это, в свою очередь, повышает вероятность рекрутирования на административные должности индивидов с особым психическим складом – умеющих в первую очередь выполнять распоряжения, а не соотносить их с некими смысловыми системами координат. Это “практические люди”, или оппортунисты, способные мгновенно ориентироваться в перманентно меняющейся конъюнктуре политически-личного.⁷⁵ Это амбициозные, склонные к риску ради достижения самых незначительных, казалось бы, преимуществ в статусной борьбе личности, алчные к любым пре-

⁷⁵ Один из ялтинских респондентов прекрасно уловил эту черту украинских чиновников: “Ответ: Это ситуация футбола: нельзя думать – мяч падает, и все на уровне инстинктов. Вопрос: Бей – беги, да? Ответ: Да. Если вы остановились и начали думать – мяч потерян” (СМД (п) – 1).

стижным вещам и агрессивно их добывающиеся. Здесь нет мелочей, ибо неиспользование возможностей, пропущенный источник пребендальных доходов (т. е. доходов, получаемых с определенной должности) негативно отражается на персональном статусе, положении и престиже в рамках определенной группы.

Логика мгновенного использования имеющихся возможностей в личных целях продиктована неустойчивой в своей устойчивости политикой при неопатримониализме, которая в любой момент может перекрыть доступ к любым возможностям, а также тем, что внутреннее побуждение к утверждению себя через обладание вещами, как правило, достигающимися в жесткой конкуренции, есть отличительная характеристика *aggrandizer*. И чем выше уровень развития этих качеств, тем выше шансы на успех в рамках этого типа режима. И тем выше полнота их проявления в научной сфере, когда каждая новая должность открывает возможности, реализация которых представляется едва ли не инстинктивной и плохо коррелирующей с сиюминутными рациональными соображениями в системе “расходы – доходы”.

Таким образом, суть мотивации чиновника, получающего научные степени в связи с занимаемой должностью, обусловлена неопатримониальным характером украинского политического режима. Именно он задает своеобразную систему координат, при которой не воспользоваться имеющимися возможностями – это само по себе есть основание для негативной стигматизации и исключения из рядов группы *aggrandizers*. Действия по немедленной и/или тотальной капитализации должностных полномочий представляют собой безусловный рефлекс или категорический императив, даже если они – как в случае с получением научных степеней – очевидно и вопиюще нерациональны. Нерациональны с точки зрения научного сообщества и остального общества, но более чем понятны и оправданны в глазах подлинной целевой аудитории три-А-личностей – группе себе подобных, безотносительно к тому, является ли она “классом в себе” или “классом для себя”...

Патримониальность и патриархат в социальных науках Украины и Молдовы⁷⁶

Неопатримониальная наука – это часть научного поля Украины, специфика которого заключена в максимальной степени обусловлен-

---

⁷⁶ Я отдаю себе отчет в некоторой условности предлагаемого термина: понятие “патриархат” означает “власть отца”, а потому частично оно пересекается с

ности ее характеристик соответствующим политическим режимом. Оговорив ранее сугубо политологическое применение концепции неопатримониализма, я при рассмотрении практик получения научных степеней губернаторами и главами облсоветов не акцентировал внимания на гендерном измерении.⁷⁷ Однако на теоретическом уровне особенности взаимодействия гендера, Академии и политического режима при неопатримониализме могут быть прояснены несколькими способами.⁷⁸

Наиболее очевидный путь представляет собой разновидность фехтования релевантными понятиями, когда указываются определенные академические кланы (сформированные вокруг руководителя вуза или диссертационного совета), констатируется то, что быть главой клана – это мужская роль, после чего следует анализ “гендерного распределения” в целом. Закономерным следствием подобного подхода станет указание на отражение в данном случае более общей мафиозно-“совковой” модели гегемонной маскулинности, описанной Татьяной Журженко и Галиной Орловой.⁷⁹ Илья Герасимов обратил мое внимание также на возможности теорий “среднего уровня”, позволяющих использовать гендерный аспект как инструмент измерения, а не ярлык. В частности, теория перформативности гендера Джудит Батлер (*Judith Butler*) открывает путь для анализа семиотики гендерно маркированных

семантическим полем “патрониума” – “отеческое владение”, “вотчина” или “наследуемая собственность”. Однако альтернативные термины представляются еще более неудовлетворительными.

⁷⁷ Р. Теобальд, Ш. Эйзенштадт, М. Вебер. Традиционное господство // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Харьков, 2004. Вып. 2. С. 161-175.

⁷⁸ На примере западной Академии Мэри Фокс взаимоотношения гендера, власти и науки видит следующим образом: “Наука является институциональным проводником власти, связанным с центральными социальными институтами, в частности образованием и государством, и отмеченным огромным неравенством в статусе и вознаграждениях”. Будучи “фундаментально иерархическим институтом”, наука позволяет наблюдать множество способов, посредством которых в ее рамках отражается, воспроизводится и поддерживается гендерная стратификация. Mary F. Fox. Gender, Hierarchy, and Science // Janet S. Chafetz. (Ed.) Handbook of the Sociology of Gender. New York, 2006. P. 452.

⁷⁹ Т. Журженко. Между кланом, семьей и нацией: постсоветская маскулинность/феминность в цветных революциях // Ab Imperio. 2007. № 1. С. 355-339; Г. Орлова. Семь “Я” президента: призрак родства в российской политике 1990-х годов // Семейные узы: Модели для сборки / Под ред. С. Ушакина. Кн. 2. Москва, 2004. С. 297-323.

социальных интеракций, что продемонстрировал антрополог Алексей Юрчак в своем обзоре “*ритуалов успешной маскулинности*”.⁸⁰ С этой точки зрения, уже отмечавшаяся нерациональность погони чиновников за научными званиями обретает важную социальную функцию дискурсивного формулирования вполне определенного образа (успешной) маскулинности.

Общим недостатком этих подходов выступает сложность эмпирической верификации, усиленная отсутствием масштабных и сопоставимых исследований гендерного измерения постсоветской Академии. В первом случае, кроме того, сложно рассчитывать на приращение нового знания, поскольку мало что меняется в нашем понимании организации квази-академического процесса, если назвать коррупционные по определению манипуляции с присвоением научных степеней “*мафиозно-совковыми*”. Наконец, рассмотренные направления не позволяют с приемлемой степенью надежности установить, обусловлено ли гендерное измерение в постсоветской Академии логикой неопатримониального режима или нет.

Для этого необходимо обратиться к более широкому контексту современного научного процесса, не сводящегося к “*остепенению*” функционеров бизнеса и политики. Я проанализировал ряд изданий, регулярно публикующих объявления о предстоящих защитах кандидатских и докторских диссертаций.⁸¹ В выборку попали объявления о защите 5909 кандидатских и 806 докторских в Украине (1999–2012) и 126 кандидатских и 28 докторских – в Молдове (2002–2012). Рассмотрение нескольких специальностей, часть которых не существовало в советской научной номенклатуре, отличающихся по степени феминизации, а также различие кандидатской и докторской диссертаций должно предоставить индикаторы, на основании которых прослеживаются связи гендера, науки и политического режима.⁸²

---

⁸⁰ Алексей Юрчак. Мужская экономика: “Не до глупостей, когда карьеру куешь” // *О муже(Н)ственности* / Под ред. С Ушакина. Москва, 2002. С. 245-268.

⁸¹ “*Науковий світ*”, “*Атестаційний вісник*” и “*Бюлетень ВАК*” для Украины, а для Молдовы – *Registrul gradelor stiintifice de doctor si doctor habilitat conferite in perioada, 2002–2012* / *Consiliul National pentru Acreditare si Atestare*. Chisinau, 2012. Первоначальный ввод данных по предстоящим защитах диссертаций в Украине был осуществлен Сергеем Шуляком и Вадимом Осиным, а в Молдове – Анжелой Зеленски.

⁸² Это не единственный возможный индикатор. Мэри Фокс выделяет еще несколько, и одним из наиболее очевидных выступает рекрутирование на высокостатусные позиции, престижные специальности и высшие учебные заведения в целом

Данные табл. 1, отражающие гендерную структуру объявлений о защите кандидатских и докторских диссертаций в Украине и Молдове (1999–2012), позволяют сформулировать два вывода, важные для дальнейшего понимания неопатримониальной науки. Во-первых, необходимо различать кандидатский и докторский уровни социальных наук в Украине и Молдове. В зависимости от того, о какой именно научной степени и по какой именно специальности идет речь, серьезно меняется гендерный состав соискателей, а также место их работы. Во-вторых, оказывается, постсоветская социальная наука, особенно в Украине, является феминизированной на кандидатском и маскулинизированной на докторском уровне в четырех исследуемых отраслях науки.

Феминизация особенно касается социологии, в рамках которой свыше 70% соискателей кандидатской степени были женщины – как в Украине, так и Молдове. В истории и политологии Украины в указанный период также преобладают соискатели-женщины, 53 и 50% соответственно. В то же время в изучении государственного управления мужчин лишь незначительно больше женщин (+2,4%), хотя в отношении новой дисциплины, пусть и связанной с не престижной в целом государственной службой, можно было бы ожидать иного соотношения.

Данные по “кандидатской науке” согласуются с известной тенденцией, согласно которой в развивающихся государствах женщины-ученые имеют лучшие, по сравнению с женщинами-учеными в развитых странах, шансы сделать успешную научную карьеру. Марсия Баринага в обзоре целого ряда релевантных исследований для *Science* указала, что в Венгрии, Португалии и на Филиппинах наблюдается сравнительно высокий процент женщин-физиков.⁸³ В частности, от 30 до 47% женщин обнаруживаются среди профессорско-преподавательского

преимущественно мужчин, которые (благодаря неявным преференциям) также демонстрируют более высокую продуктивность. Другими способами проявления гендерной стратификации в науке являются распространение “авторитетного знания” биологии и медицины, сконструированного преимущественно мужчинами, что способствует поддержанию иерархической организации гендера. Кроме того, указывается на значимость гендерно окрашенного подхода к исследовательской повестке дня, методам, применяемым при изучении тех или иных проблем, и способах интерпретации получаемых результатов. Наконец, необходимо держать в уме, что занятие мужчинами высоких позиций в науке, учитывая роль последней в обществе, не только отражает, но и способствует распространению и укреплению гендерной стратификации в самом обществе // Fox. Gender.

⁸³ Marcia Barinaga. Overview: Surprises Across the Cultural Divide // *Science*. 1994. Vol. 263. March, 11. Pp. 1468-1474.

состава соответствующих специальностей, и это значительно больше, чем в развитых государствах, например США. Это объясняют тем, что в развивающихся государствах экономическое и научное развитие не совпадает, вследствие чего занятие наукой не приносит доходов, привлекательных для мужчины, следовательно, не престижно. По этой причине можно наблюдать более честную конкуренцию, нежели в государствах, где высокий уровень дохода и престиж научной деятельности приводит к консервативности научных институций вследствие активного притока мужчин.⁸⁴

В то же время на докторском уровне история, политология и государственное управление в Украине и Молдове являются маскулизованными областями научного знания. Если вынести за скобки особый “случай социологии”, можно констатировать почти двукратное падение доли женщин в украинской докторской исторической науке по сравнению с кандидатской (27,2 vs. 53,2%). Чуть меньшее падение наблюдается в политологии (32,7 vs. 50,04 %) и в государственном управлении (38,5 vs. 48,8 %). При всей статистической погрешности данных по Молдове (28 докторских диссертаций в Молдове vs. 806 докторских диссертаций в Украине), там наблюдается практически та же картина: количество женщин, стремящихся получить докторскую степень по истории, на 10% меньше (33 vs. 43,6%), и почти в два раза меньше тех, кто предпринимает аналогичные усилия в политологии (22 vs. 40,4%).

Я полагаю, что кандидатская наука на постсоветском пространстве представляет собой низовой уровень научной иерархии, и его конституирование приемлемо описывается фразой “ученым можешь ты не быть, но кандидатом стать обязан”. В то же время докторская наука – более высокий уровень, когда включаются, помимо научных, дополнительные факторы гендерной селекции в иерархически устроенной Академии. И это вполне согласуется с теорией патриархата, согласно которой женщины концентрируются прежде всего на нижних позициях любой иерархии, в том числе и академической. Чем выше престижность профессий или чем выше должность, тем меньше наблюдается женщин, что и показывает сравнение данных по двум релевантным уровням.

---

⁸⁴ Один из анонимных рецензентов этой статьи указал, что возможное объяснение феминизации (российской) социологии заключается не в том, что женщины “продвигаются медленнее (для каждого конкретного поколения значимого различия в скорости продвижения нет), а потому, что они вообще в среднем моложе, а докторов больше в старшей возрастной группе. Этот эффект надо иметь в виду, когда мы имеем дело с разновозрастными дисциплинами”. К сожалению, имеющиеся у меня данные не позволяют проверить эту гипотезу.

Таблица 1. Гендерный состав объявлений о защите кандидатских и докторских диссертаций в Украине и Молдове (1999–2012), процент, кол-во.⁸⁵

Научная дисциплина	Пол диссертанта	Кандидатская диссертация		Докторская диссертация	
		%	кол-во	%	кол-во
История (Украина)	мужчины	46,8	1504	72,8	276
	женщины	53,2	1711	27,2	103
Социология (Украина)	мужчины	29,5	119	44,8	26
	женщины	70,5	285	55,2	32
Государственное управление (Украина)	мужчины	51,2	582	61,5	131
	женщины	48,8	555	38,5	82
Политическая наука (Украина)	мужчины	50,0	576	67,3	105
	женщины	50,0	577	32,7	51
История (Молдова)	мужчины	56,4	31	67,0	8
	женщины	43,6	24	33,0	4
Социология (Молдова)	мужчины	28,6	4	50,0	2
	женщины	71,4	10	50,0	2
Политическая наука (Молдова)	мужчины	59,7	34	78,0	7
	женщины	40,4	23	22,0	2

Отталкиваясь от полученных результатов, можно сформулировать гипотезу, непосредственно касающуюся связи политического режима, гендера и науки. Суть ее заключается в том, что разновидности (“неопатримониальная” и “нормальная”) и уровни (кандидатский и докторский) постсоветских социальных наук не просто сосуществуют, но могут и пересекаться, образуя новые научные практики. Я ожидаю обнаружить то, что условно можно назвать *неопатримониальным патриархатом*. Суть его заключается в том, что распределение женщин в постсоветской Академии определяется переплетением двух обстоятельств – уровня и разновидности науки. Речь идет о зависимости концентрации женщин, с одной стороны, от того, какая именно диссертация, кандидатская или докторская, защищается, а с другой

⁸⁵ Весьма незначительная часть объявлений была исключена либо по причине невозможности определить пол соискателя, либо по техническим причинам. Сказанное не распространяется на Молдову, где были подсчитаны все имеющиеся объявления.

стороны – от логики вотчинного характера важнейших должностей, присущей (неопатримониальному) режиму.

Верификация гипотезы отсылает к необходимости использовать менее двусмысленные критерии, нежели простое деление кандидатов и докторов наук на мужчин и женщин. Поэтому я решил проанализировать наличие взаимосвязи между полом соискателей и местом их работы. Для этого я классифицировал место работы соискателей ученой степени по нескольким категориям. В основу была положена, с определенными модификациями, классификация должностей, использованная при исследовании глав ОГА и облсоветов: выборные, назначаемые и хозяйственно-управленческие должности.⁸⁶ Общим для них выступает то, что отправление этих должностей не предусматривает (и практически не допускает) проведения длительных систематических научных исследований с последующим оформлением и публичной защитой основных результатов. Кроме того, я ввел четыре новые категории: “система образования в целом”,⁸⁷ “партии и общественные организации”,⁸⁸ “международные программы”⁸⁹ и “временно не работающие”. Я ожидаю

---

⁸⁶ Необходимо отметить изменения в наполнении хозяйственно-управленческих должностей. Если подавляющее большинство релевантных должностей среди губернаторов и глав legislatures составляли директора предприятий, то в данном случае я был вынужден расширить список, чтобы сохранить разделение между политическими (наиболее значимыми для целей исследования) и всеми остальными должностями. Соответственно, виды предприятий и ранг сотрудников теперь могут быть весьма различными – от генерального директора корпорации “Харківські будматеріали” и до ведущей новостей ООО “Телестудія...”, от главных редакторов газет и бухгалтеров до адвокатов и менеджеров.

⁸⁷ Наиболее многочисленная категория, состоит из соискателей, в качестве основного места работы указавших научные, преподавательские и иные релевантные должности в образовательной системе. Это аспиранты, преподаватели вузов, учителя школ, гимназий и лицеев, научные сотрудники разнообразных музеев, мемориалов и заповедников, архивариусы, школьные психологи, научные редакторы издательств и т. п.

⁸⁸ В эту категорию попадали соискатели – сотрудниками и/или руководителями разнообразных политических партий и общественных организаций. Спектр случаев весьма широк: от индивида, скромно указавшего “Сильна Україна” до весьма конкретных обозначений, вроде “голова громадської організації”.

⁸⁹ Эта категория образована такими должностями, как “асистент координатора Програми Міжнародної організації праці”, “аналітик проекту USAID”, “директор Регіонального центру Програми розвитку ООН”, “директор Європейської програми Міжнародного фонду ‘Відродження’”, “керівник від Міжнародного Благодійного фонду ‘Міжнародний Альянс...’” или “співробітник Представництва дитячого фонду ООН ЮНІСЕФ”.

обнаружить следующее. Во-первых, доминирование мужчин в таких категориях, как “выборные”, “назначаемые” и “хозяйственно-управленческие” должности. Во-вторых, преобладание женщин в таких категориях, как “система образования в целом” и “временно не работающие”. В-третьих, из трех классов должностей, важных для неопатримониального режима, концентрация мужчин соискателей будет более явно выраженной для назначаемых и выборных должностей и менее всего – для хозяйственно-управленческих. В-четвертых, все эти тенденции будут более отчетливо видны на примере соискателей кандидатской степени, но не докторской, поскольку “кандидатская” наука – это не просто низовой уровень постсоветской науки, но и своеобразная интерактивная площадка наиболее активного взаимодействия власти и науки. С моей точки зрения, наиболее вероятны две причины, объясняющие это обстоятельство: во-первых, перечень должностей, преобладающим доходом с которых выступает докторская научная степень, значительно короче того, где взимается кандидатская степень. Во-вторых, срок пребывания в должностях, релевантных неопатримониальной перспективе, весьма ограничен, что соответствующим образом отражается на более высокой вероятности получения кандидатской, а не докторской степени.⁹⁰

Данные табл. 2 показывают наличие нескольких закономерностей. Во-первых, меньший процент соискателей из “системы образования в целом” на кандидатском уровне приходится на государственное управление и политологию, а больший – на историю и социологию. В случае с последними двумя дисциплинами мы имеем 86,6% для истории и 88,2% для социологии, в то время как соискателей из системы образования в политологии значительно меньше (72%), не говоря уже о государственном управлении, где соответствующий показатель достигает удивительно низкого значения (52%).

Во-вторых, женщины-соискатели доминируют в системе образования в четырех рассматриваемых дисциплинах, и делают это более явным образом, нежели в том случае, когда мы принимали во внимание ситуацию в научной области в целом. В частности, если разница между женщинами и мужчинами–соискателями кандидатской степени в по-

---

⁹⁰ Андрей Зоткин указывает, что типичный глава ОГА в Украине свой пост занимает менее полутора лет, в то время как главе облсовета “в среднем предоставлялась возможность проработать на своем посту чуть более двух лет”. А. А. Зоткин. “Львы” и “лисы” украинской политики. Киев, 2010. С. 151-152. Этих сроков обычно достаточно для получения кандидатской степени, но не докторской. Имеющиеся в моем распоряжении данные показывают обоснованность этого предположения.

литологии по данным табл. 1 составляла 0,08% (в пользу женщин), то в данном случае – 9,5%. Еще более отчетливо это проявляется в государственном управлении: 2,4 и 13,4% соответственно. В дисциплинах, где преобладание женщин-соискателей в целом изначально было более ощутимым, рассмотрение гендерной наполненности категории “система образования в целом” дает либо незначительный прирост женщин, либо их сокращение.⁹¹

Это соответствует гипотезе о доминировании женщин-соискателей в системе образования, представляющей собой – в сравнении с рядом других выделенных категорий – менее престижное место работы. Этот вывод также подтверждается при обращении к категории “временно не работающие”, которая по идее также должна была наполняться женщинами – как отражение общей тенденции патриархатных обществ возлагать функцию добытчиков на мужчин, оставляя женщинам менее доходные и непрестижные области самореализации.⁹²

В-третьих, есть основания говорить о неопатримониальном характере украинского академического патриархата. Речь, в частности, идет о преобладании удельного веса соискателей, указавших в качестве основного места работы назначаемые должности, за которыми следуют хозяйственно-управленческие, а потом уже выборные. Так, среди невузовских мест работы в трех из четырех рассматриваемых дисциплинах назначаемые должности лидируют по частоте упоминания. Наиболее часто кандидатскую степень, пребывая на назначаемых должностях, получают в об-

---

⁹¹ Иллюстрацией первого случая может служить историческая наука, в которой разница между соискателями кандидатской степени женского и мужского пола, по данным табл. 1, составляла 6,4% в пользу женщин. В то же время разница между женщинами и мужчинами в категории “система образования в целом”, по данным табл. 2, оказывается чуть больше – 7,9%. В социологии наблюдается другая ситуация: уверенное преобладание женщин-соискателей в кандидатской науке (их на 41,0% больше, чем мужчин) сокращается меньше, чем на 1,5%, если принять во внимание преобладание женщин в категории “система образования в целом” (на 39,8% больше, чем мужчин).

⁹² В рассматриваемых дисциплинах неработающих женщин, стремящихся получить кандидатскую научную степень, больше, чем мужчин. При этом история, политология, социология и государственное управление достаточно однозначно ранжируются в зависимости от общей феминизированности. Дисциплины, в целом характеризующиеся более значительной долей женщин, демонстрируют и больший процент женщин в категории “временно не работающие”, и наоборот. Скажем, в социологии и истории разница между женщинами и мужчинами максимальна (2,1 vs. 0,5% и 3,0 vs. 1,9% соответственно), в то время как в политологии и государственном управлении – минимальна (2,7 vs. 2,1% и 1,2 vs. 0,8% соответственно).

ласти государственного управления – 27,6%, а наименее – в социологии (3,3%). Политология (10,9%) и история (5,1%) располагаются где-то посередине. Вместе с тем выборные должности уверенно занимают последнее место среди всех невузовских должностей, хотя от дисциплины к дисциплине их доля варьируется достаточно серьезно: 0,2% в истории vs. 3,3% в государственном управлении. Вполне традиционно политология и социология располагаются между этими двумя точками экстремума (0,9 и 0,8% соответственно). Заметим, что удельный вес хозяйственно-управленческих должностей всегда значительно выше выборных и – за исключением социологии – значительно ниже назначаемых. В государственном управлении о своих намерениях стать кандидатами наук заявили 13,6% соискателей, находящихся на хозяйственно-управленческих должностях. Это почти в 6 раз больше, чем в истории (2,4%), более чем в 3 раза – в социологии (3,6%) и более чем в 1,5 раза превышает аналогичный показатель для политологии (8,2%).

Таблица 2. Место работы и пол соискателей кандидатской и докторской степени в Украине (1999–2012), процент, кол-во.

Научная дисциплина	Докторская (Д)/ Кандидатская (К)	Пол соискателей	Система образования в целом	Выборные должности	Международные программы	Назначаемые должности	Партии и общественные организации	Временно не работающие	Хозяйств.-управл. должности	Всего
История	Д	Ж	26,9	–	–	0,3	–	–	–	27,2
		М	70,7	–	–	1,3	0,3	–	0,5	72,8
	Всего, %		97,6	–	–	1,6	0,3	–	0,5	100,0
	К	Ж	47,3	–	0,1	1,9	0,3	3,0	0,7	53,3
		М	39,4	0,2	–	3,3	0,4	1,9	1,6	46,8
	Всего, %		86,6	0,2	0,1	5,1	0,7	4,8	2,4	100,0
История (общий итог, кол-во)			3064	3064	6	3	166	24	150	76
Политология	Д	Ж	31,4	–	–	0,6	–	0,6	–	32,7
		М	57,7	0,6	–	5,8	0,6	–	2,6	67,3
	Всего, %		89,1	0,6	–	6,4	0,6	0,6	2,6	100,0

В. Осин, Академия и политический режим

Политология	К	Ж	40,7	0,1	0,2	2,9	0,6	2,7	3,6	50,8
		М	31,2	0,8	0,2	8,0	2,2	2,1	4,6	49,2
	Всего, %		72,0	0,9	0,4	10,9	2,8	4,8	8,2	100,0
Политология (общий итог, кол-во)			929	929	11	4	130	32	54	94
Социология	Д	Ж	53,5	–	–	1,7	–	–	–	55,2
		М	41,4	–	–	1,7	1,7	–	–	44,8
	Всего, %		94,8	–	–	3,5	1,7	–	–	100,0
	К	Ж	64,0	0,3	–	1,3	0,5	2,1	2,8	71,0
		М	24,2	0,5	0,5	2,1	0,5	0,5	0,8	29,1
Всего, %		88,2	0,8	0,5	3,3	1,0	2,6	3,6	100,0	
Социология (общий итог, кол-во)			398	398	3	2	15	5	10	14
Гос. управление	Д	Ж	37,1	–	–	0,9	–	–	0,5	38,5
		М	44,1	3,8	–	10,8	0,9	–	1,9	61,5
	Всего, %		81,2	3,8	–	11,7	0,9	–	2,4	100,0
	К	Ж	32,7	0,8	0,2	10,2	0,4	1,2	4,2	49,6
		М	19,3	2,5	–	17,4	1,0	0,8	9,3	50,4
Всего, %		52,0	3,3	0,2	27,6	1,4	2,0	13,6	100,0	
Гос. управление (общий итог, кол-во)			741	741	44	2	326	17	22	153
ВСЕГО, кол-во			5132	64	11	637	78	236	337	6495

В целом это хорошо согласуется с неопатримониальной перспективой, постулирующей доминирующее положение исполнительной ветви власти. Причина большей значимости хозяйственно-управленческих должностей, а не выборных, как я предполагал в третьей гипотезе, заключается в характере ранее рассматриваемых групп (губернаторы и особенно главы областных советов). Однако при расширении списка профессиональных групп происходит и неизбежное падение веса выборных должностей в национальном масштабе, обусловленное незначительной ролью последних при неопатримониальном режиме. Доступ к значимым (назначаемым) должностям открывает возможность

накопления богатства (или его перераспределения), но не имплицитно каких-либо предпочтений в честной и конкурентной борьбе за голоса избирателей, ибо последняя проходит во многом под патронажем влиятельных местных политико-экономических групп или центра. Именно богатство (экономическое могущество) является одновременно ставкой и средством достижения назначаемых должностей, в то время как выборные посты – “остаточные” или “запасные” категории в этой перманентной борьбе.

Установленный в более широком масштабе неопатримониальный характер украинской социальной науки следует дополнить патриархальным измерением. Так, несмотря на преобладание женщин в той или иной степени во всех четырех научных дисциплинах, а также их более чем явное доминирование в рамках каждой из дисциплин в категории “система образования в целом”, на назначаемых, выборных и хозяйственно-управленческих должностях женщин абсолютное меньшинство. В целом обычным является двукратное⁹³ или даже трехкратное⁹⁴ преимущество мужчин на трех релевантных классах должностей, не говоря о случаях, когда женщины на этих постах вообще не обнаружены.⁹⁵

Несколько слов следует сказать о ситуации с “властными защитами” в Молдове. В 2002–2012 гг. в Молдове были защищены 57 кандидатских диссертаций по политологии, 11 соискателей могут быть уверенно причислены к тем, чьим основным местом работы являются назначаемые, выборные, хозяйственно-управленческие должности, а также необщественные организации. Их процент (19,3%) немного уступает совокупному проценту перечисленных категорий в украинской политологии (23,4%). Распределение по отдельным категориям показывает чуть более явное преобладание назначаемых должностей: 12,3% в Молдове против 10,9% в Украине.⁹⁶ Остальные категории, представленные,

⁹³ В той или иной мере это можно наблюдать на примере хозяйственно-управленческих должностей в истории (1,6 vs. 0,7%), назначаемых (17,4 vs. 10,2%) или хозяйственно-управленческих (9,3 vs. 4,2%) должностей в государственном управлении.

⁹⁴ Это можно наблюдать на примере выборных должностей в государственном управлении (2,5 vs. 0,8%) и назначаемых должностей в политической науке (8,0 vs. 2,9%).

⁹⁵ Не обнаружены, например, выборные должности соискателей в исторической науке.

⁹⁶ К их числу относятся соискатели с такими местами работы: Отдел информации и безопасности, Председатель Центральной электоральной комиссии, Посольство Румынии в Азербайджане, Представитель Правительства в муниципии Кишинева, Уполномоченный по правам человека в Гагаузии, Отдел охраны и государственной безопасности.

правда, каждая одним-двумя случаями, дают такие результаты: 3,5% соискателей из общественных организаций⁹⁷ (2,8% в Украине), а также по 1,75% соискателей работали на хозяйственно-управленческих (8,2% в Украине) и выборных⁹⁸ (0,9% в Украине) должностях.

В Украине и Молдове сходная ситуация, что позволяет применить к “молдавскому” случаю многие “украинские” аргументы. Однако по Молдове следует проявить осторожность из-за отсутствия данных по всем дисциплинам и малого количества защит. Последнее обстоятельство, в частности, наиболее важно, поскольку проведение адекватных сравнений на основании уникальных случаев представляется чрезвычайно статистически незначимым и потому аналитически ненадежным.⁹⁹

Верификация последней гипотезы предполагает, что затраты (время, энергия, деньги) на написание кандидатских и докторских диссертаций вкуче с относительно небольшой продолжительностью пребывания украинских чиновников на должностях, связанных со сферой исследования, делают именно кандидатскую науку наиболее вероятной интерактивной площадкой взаимодействия власти и знания.¹⁰⁰ Это означает более чем явное падение процента соискателей докторской степени, основным место работы которых (в порядке значимости) – назначаемые, хозяйственно-управленческие и выборные должности. Кроме того, мы также прогнозируем еще большее падение процента соискателей докторской степени среди женщин в сравнении с аналогичными показателями по кандидатским диссертациям.

Данные, касающиеся места работы соискателей докторских степеней, позволяют утверждать в целом обоснованность гипотезы, а

---

⁹⁷ “Неправительственная организация ‘IDIS VIITORUL’” и просто “неправительственная организация”.

⁹⁸ Депутат парламента Молдовы.

⁹⁹ Например, единственный соискатель из категории “хозяйственно-управленческие должности” в Молдове – это адвокат, в то время как в Украине количество релевантных индивидов составляет 90 (и это только для политологии). В случае с Украиной можно проводить анализ внутри каждой категории, верифицируя те или иные гипотезы, чего нельзя сделать в отношении данных по Молдове.

¹⁰⁰ Этот вывод противоречит моим первоначальным ожиданиям. Их своеобразным выразителем стал один высокопоставленный российский чиновник, который в интервью Михаилу Соколову сказал следующее: “Я немного неудобно себя чувствую по поводу того, что защитил [докторскую диссертацию]. Ну, сейчас есть мнение, что кандидатская – это надо, а докторские защищают только администраторы, у которых есть выходы на советы, а настоящим ученым это не нужно” // Соколов. Проблема. С. 9.

также идентифицировать как минимум две тенденции. Суть первой заключается в том, что дисциплины, характеризующиеся максимально низким уровнем “властных” защит на кандидатском уровне проявляют еще большую степень “сопротивляемости” на уровне докторской науки. В частности, в истории доля соискателей из образовательной системы составляет 97,6%, а в социологии – 94,8%, что превышает аналогичный показатель для кандидатских диссертаций на 11 и 6,6% соответственно. Кроме того, наблюдается падение удельного веса женщин – соискателей докторской степени по истории (26,9%) против женщин – соискателей кандидатской степени по той же дисциплине (47,3%). Данные по социологии менее красноречивы: 64 vs. 53,5%, при том что доля назначаемых должностей осталась, по сути, неизменной.

Вторая тенденция, касающаяся политологии и государственного управления, заключается не столько в падении удельного веса женщин в системе образования, сколько в падении процента назначаемых, выборных и хозяйственно-управленческих должностей среди женщин. В частности, совокупный процент женщин – соискателей кандидатской степени в политологии, основным местом работы которых являются три выше отмеченные должности, составляет 6,6, а удельный вес женщин в докторской науке – 0,6%. Для государственного управления данные более красноречивы – 15,2 и 1,4% соответственно. Таким образом, речь идет о последовательном снижении доли женщин на более статусных и престижных позициях, и подобное снижение подчиняется логике неопатримониального режима.

Наличие связи, существующей между полом, местом работы и уровнем науки (кандидатская и докторская), можно проверить статистически. Если выделенные места работы сгруппировать в два больших разряда (“система образования в целом” и “вне системы образования в целом”) и представить в виде таблицы, то для каждой дисциплины можно вычислить коэффициент ассоциации (Q). Последний обычно применяется для оценки степени тесноты связи между качественными признаками, не имеющими количественного выражения. Коэффициент ассоциации показывает, что есть связи между полом и местом работы, и эти связи наиболее ярко выражены для докторского уровня. При этом сильные связи характерны для политологии (0,78) и государственного управления (0,82), в то время как средняя связь – для истории (0,5). Для полученных данных это означает, что мужчин – докторов наук по истории, политологии и государственному управлению больше, чем женщин, как в “системе образования в целом”, так и “вне системы образования

в целом”, при том что во втором случае “доминирование” мужчин выражено еще четче. На кандидатском уровне средняя сила связи присуща только государственному управлению (0,53) и, с определенными оговорками, политологии (0,47). Это показывает следующее: женщин больше из вузовской среды, а мужчин – наоборот, из невузовской.

Для имеющихся данных, теперь уже не представленных в виде таблицы, можно также рассчитать коэффициент корреляции Пирсона, который обычно определяется как мера корреляции, подходящая для двух переменных, измеренных в ранговой шкале. Места работы по-прежнему сгруппированы в два больших класса (“система образования в целом” и “вне системы образования в целом”). В этом случае для государственного управления и политологии коэффициент Пирсона между полом и местом работы равняется 0,5 и 0,47 соответственно, в то время как для истории и социологии он существенно ниже – 0,24 и 0,19 соответственно. Другими словами, для государственного управления и политологии свойственна умеренно положительная связь, а для истории и социологии – слабая положительная связь. Это явно показывает, что в государственном управлении и политологии связь между полом и местом работы сильнее, чем в истории и социологии.

В совокупности эти данные свидетельствуют об обоснованности выделения неопатримониального патриархата в этих дисциплинах.

Возникновение дисциплин и неопатримониальная бюрократия: государственное управление vs. социология

Объявления о предстоящих защитах кандидатских диссертаций в государственном управлении (1999–2012) показывают, что 3,3% соискателей основным местом работы указали выборную должность. В то же время доля соискателей, получавших степень во время пребывания на хозяйственно-управленческих и назначаемых постах существенно выше – 13,6 и 27,6% соответственно. Эта ситуация позволяет иначе взглянуть на причины и обстоятельства “возникновения” научных дисциплин в Украине.¹⁰¹

Другими словами, на примере государственного управления можно говорить о сменяющихся периодах “насыщения и голода”, т. е. не-

---

¹⁰¹ Следует отметить, что губернаторам и главами облсоветов наиболее “востребованы” экономика, технические науки и право; для этих дисциплин расчеты не проводились. Потенциально это может означать еще большее количество “властных” защит в этих научных отраслях.

равномерном распределении количества “властных” защит по годам. В свою очередь, соответствующие волны могут быть поставлены в зависимость от процессов, происходящих в политической сфере Украины. Например, в 1999 г., когда Леонид Кучма был избран на второй срок, процент “властных” защит в этой специальности достиг 75%. Сходная ситуация наблюдалась в 2005 г., когда затянувшееся избрание Виктора Ющенко обернулось тем, что каждая вторая защита по государственному управлению приходилась на представителя назначаемых, выборных или хозяйственно-управленческих должностей. При этом в 2003 г. этот показатель составлял 31,9%, а в 2004 – 36,4%. Наконец, победа Виктора Януковича не столь быстро, как в предыдущих случаях, но все же привела к “остепенению” сторонников “Партии регионов”, до того имеющей в своих рядах небольшое количество кандидатов и докторов наук. Так, в 2012 г. наблюдается резкий рост соискателей, которые с 2011 г. стали занимать назначаемые (34,2 vs. 24,2%), хозяйственно-управленческие (19,7 vs. 12,75%) и выборные (5,3 vs. 0%) должности.

Здесь возможно несколько интерпретаций. Наиболее правдоподобна связывающая эти данные с преломлением в украинской академической среде особенностей господствующего политического режима. Можно предположить, что неопатримониальная бюрократия в своих действиях руководствуется общими моделями мотивационного поведения, вследствие чего стремление получить научные степени распространяется от верхушки этой группы на более низкие ее звенья. Я полагаю, что стремление получить научные степени представляет собой следующий шаг в непрерывном росте потребностей неопатримониальной бюрократии – после получения массового высшего образования.

Гипотеза заключается в том, что государственное управление *во многом* используется для удовлетворения спроса чиновников на получение научных степеней. Минимизация издержек в случае значительного количества соискателей из власти предусматривает создание специализированных ученых советов, формально связанных с основным полем деятельности. Частично этими обстоятельствами может быть обусловлено введение отрасли науки “государственное управление”.¹⁰² Таким образом, проще и эффективнее изначально создать специаль-

¹⁰² В этом случае название дисциплины “государственное управление” выглядит весьма симптоматичным, учитывая роль государства при неопатримониальном режиме.

ность, предоставляющую благоприятные возможности для массового получения научных степеней той или иной профессиональной группе, нежели устанавливать связи во множестве конкретных случаев. Вместе с тем верхушка неопатримониальной бюрократии в силу своего статуса по-прежнему обладает практически мало чем ограниченными возможностями для получения научных степеней по специальности, которая представляется наиболее привлекательной.¹⁰³ В дальнейшем данная специальность может развиваться более или менее автономно от первоначальных потребностей, вызвавших ее появление.

Подтверждение высказанной гипотезе можно также видеть в ситуации с “властными” защитами в социологии, где их совокупный процент почти в 6 раз меньше, чем в государственном управлении (1999–2012) – 7,7 и 44,4% соответственно. Формально между социологией и государственным управлением не должно быть принципиальных различий, коль скоро обе дисциплины были формально институционализированы практически одновременно в начале 1990-х гг., а потому можно было бы ожидать одинаковую открытость пожеланиям власть предержащих. Однако на самом деле социология, в отличие от государственного управления, характеризуется специфической мотивацией исследователей и устоявшимися традициями.¹⁰⁴ Она изначально связывалась с реформированием общества и привлекала соответствующих индивидов.¹⁰⁵ Различия в показателях чиновничьих защит можно объяснить тем, что социологию, несмотря на ее привлекательность как одной из “вестернизированных”, престижных дисциплин, сложнее поставить

¹⁰³ Это, безусловно, не единственная причина, однако на зависимости возникновения данного научного направления от политического контекста стоит особо акцентировать внимание, поскольку этому аспекту практически не уделяется внимания.

¹⁰⁴ Например: Amsler. *The Politics*; Б. Докторов. *Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории*. Санкт-Петербург, 2013.

¹⁰⁵ На ум сразу приходит хрестоматийное для Российской империи, как минимум со времен Михаила Драгоманова, отождествление понятий “социолог” и “социалист”. Кроме того, можно привести мнение Стивена Коула, который указывает, что американская социология привлекала индивидов, “мотивированных желанием способствовать социальным реформам, а не желанием найти ответ на теоретические вопросы”. Stephen Cole. *Why Sociology Doesn't Make Progress like the Natural Science* // *Sociological Forum*. 1994. Vol. 9. No. 2. P. 152. Эти данные комплементарны материалам недавних публикаций устной истории (советской/российской) Бориса Докторова. Более сдержанный взгляд на проблему оппозиционности, по крайней мере, советской социологии представлен недавней работой Александра Бикбова: А. Бикбов. *Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. Москва, 2014. С. 313-322.

под контроль, учитывая ее сложившиеся на начало 1990-х годов кадры носителей вполне определенной оппозиционной мотивации.¹⁰⁶

В целом гендерное измерение четырех рассматриваемых дисциплин на уровне кандидатских диссертаций можно интерпретировать в зависимости от меры их неопатримониальности, т. е. привлекательности соответствующих научных степеней для властей предрержащих. “Государственное управление” и “политология”, как наиболее связанные с властью дисциплины, оказываются и наименее феминизированными, в то время как наименее подверженные “властному” влиянию история и социология – наиболее феминизированными. Рискну предположить, что востребованность политологии во власти обусловлена тем же, чем вызвана сравнительно низкая престижность истории, а именно статусом новой дисциплины, являющейся симптомом, как правило, привлекательной вестернизации социальных наук, противопоставляемых идеографической и недостаточно научной, как представляется со стороны, истории.

Стоит указать и на альтернативную интерпретацию, подчеркивающую тесную связь между наукой и практикой, особенно для ведомственных вузов. В западной Академии можно сослаться на программы MBA, требующие наличия соответствующего опыта в той или иной сфере перед получением степени. Этот пример кажется настолько привлекательным, что Ричард Снайдер даже призывает ввести подобную норму и для сравнительной политологии.¹⁰⁷ Похожей логики придерживается и Яков Пляйс, когда с удовлетворением указывает на профессиональный состав соискателей по политическим наукам в российской Северокавказской академии госслужбы: “По своему статусу 55% аспирантов и соискателей являются представителями государственной и муниципальной службы, 35% – научно-педагогические работники, 10% – представители бизнес-структур”.¹⁰⁸ С точки зрения автора, “этот пример весьма поучителен, так как связан с учебным заведением, которое готовит кадры главным образом для

---

¹⁰⁶ Я отдаю себе отчет в том, что подобный анализ необходимо дополнить исследованием различий соответствующих научных сообществ в традициях, этосе, корпоративной солидарности и т.п.

¹⁰⁷ Richard Snyder. *The Human Dimension of Comparative Research* // Gerardo L. Munck, Richard Snyder (Eds.). *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. Baltimore, 2007. P. 10.

¹⁰⁸ Я. А. Пляйс. *Политология в контексте переходной эпохи в России*. Москва, 2010. С. 56.

государственных структур, т. е. непосредственно работает на политическую практику”.¹⁰⁹

Тем не менее подобные параллели представляются сугубо формальными, поскольку в случае с неопатримониальной наукой мы не имеем дело с повышением качества кадров через рекрутирование на работу людей из Академии с уже полученными научными степенями. Речь идет об обратной ситуации, когда качество (или статус) имеющихся кадров символически фиксируется за счет получения научной степени, зависящей от ранга и характера должности, а не от исследований, проведенных тем или иным соискателем.

Стремление прирасти научными степенями в Украине вписано в саму структуру политического поля. Так, в “Законе о статусе народного депутата Украины” в статье 31 (“Обеспечение народному депутату условий для повышения профессионального уровня”) указывается: “... народному депутату создаются условия для повышения профессионального уровня, а именно: повышение квалификации, обучение в учебных заведениях, в том числе магистратурах и аспирантурах... за счет бюджетных средств на обеспечение деятельности Верховной Рады Украины”. Стоит отметить, что подобная норма, обуславливающая получение научных степеней народными депутатами в Украине, отсутствует в соответствующих законах, касающихся статуса депутатов парламента в Болгарии, Великобритании, Польши, Португалии, США, Франции и ФРГ,¹¹⁰ где содействию депутату в его профессиональном росте ограничивается предоставлением релевантных справочных материалов, периодических изданий или доступом к базам данным.

Фактическое покрытие расходов на получение научной степени за счет государства в Украине автоматически ставит народных депутатов в привилегированное положение в сравнении со всеми остальными группами соискателей. И *легальность* подобной практики еще раз обнажает различия в направленности связи между “профессиональной и независимой администрацией”, экспертным знанием и особенностями

---

¹⁰⁹ Там же. С. 55.

¹¹⁰ Депутат парламента в зарубежных государствах. Москва, 1995. Не говоря уже об одиозном положении, внесенном в “Закон о статусе народного депутата Украины” в 1995 г. (отменен в 2014), согласно которому “Верховная Рада Украины обеспечивает бывшему депутату на период его трудоустройства заработную плату, которую получает народный депутат Украины, но не больше одного года, а в случае обучения или переквалификации на срок до двух лет”.

рекрутирования элит в постсоветских государствах и государствах Западной Европы.

***Неопатримониальная наука:
масштабный сбой в системе или знак грядущих изменений?***

В заключение ставлю вопрос: *какие именно изменения в науке *per se* (возможно, как совокупности всех научных практик) символизирует собой появление неопатримониальной науки на постсоветском пространстве?* Я не хочу специально останавливаться на негативных последствиях, ибо они очевидны.¹¹¹ Более плодотворно попытаться понять, что может в перспективе означать подобный масштабный, как сегодня видится, сбой в системе научного производства на постсоветском пространстве. Майкл Малки в одной из работ указал на довольно тривиальное обстоятельство, которое позволяет, тем не менее, по-новому взглянуть на неопатримониальную науку. Он отметил, что “в большинстве областей, где научное знание полагается основой практического применения, технологические неудачи, в отличие от успехов, обычно остаются не известными неспециалистам”.¹¹² Подобный ракурс может означать следующее: сам факт неопатримониальной науки лишь в последнюю очередь должен восприниматься, как повод рассуждать о том, является ли она *содержательно* плохой или хорошей наукой (хотя я однозначно склоняюсь к первому варианту). Более важен *знаковый* характер неопатримониальной науки, т. е. то, что само ее существование вызывает необходимость обсудить систематические неудачи в академическом поле, парадоксальным образом заметные для неспециалистов, но скрытых от профессиональных ученых.¹¹³

¹¹¹ При этом следует иметь в виду, что вопрос качества чиновничьих диссертаций не так прост, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, ряд авторов либо вообще отвергают саму возможность говорить о наличии соответствующих диссертаций, либо указывают на их легковесность (Михаил Соколов, Михаил Восленский). С другой стороны, также отмечается (Владимир Гельман, Тагир Калимуллин) и (довольно) высокое качество такого рода диссертаций: “Однако если относиться к этим диссертациям как к обычным текстам, то надо честно признать, что зачастую они как минимум не ниже качеством (а то и выше), чем тот средний массив диссертационных работ, который поступает в ученые советы от обычных – не VIP – диссертантов” (Владимир Гельман).

¹¹² М. Малки. Знание и полезность: импликации для социологии знания // Знание: собственность и власть. Хрестоматия. Москва, 2010. С. 104.

¹¹³ В этом смысле мне близок более реалистичный (с элементами иронии и сарказма) подход, который демонстрируют российские политологи Владимир Гельман и

С моей точки зрения, неожиданно-неожиданное появление *неопатримониальной науки* имеет несколько следствий, потенциально могущих послужить источником инноваций. Во-первых, уже сами масштабы явления и характер связи между властью и знанием, формальный и одновременно непосредственный, недвусмысленно указывают на слепое пятно в существующих теориях.¹¹⁴ Описанные практики не укладываются, насколько можно судить, ни в одну из существующих перспектив политики знания: руководители, обеспеченные сертификатами, будто бы списанные с философов справедливого Государства – и при этом всем очевидный разрыв с мечтами Френсиса Бэкона на осуществление научной социальной инженерии. Подобные практики не дадут даже оснований для обвинения в консервативности некоей дисциплины, ее укорененности в истеблишменте и направленности на сохранение статус-кво, поскольку речь в данном случае идет, по справедливому наблюдению Сергея Ушакина, не о циркуляции знания или идей, а циркуляции (лояльных) людей.¹¹⁵

Во-вторых, *неопатримониальная наука* ставит под сомнение многие из, казалось бы, незыблемых критериев оценки сути подлинной

Владимир Ильин. В частности, последний применяет к чиновничьим защитам закон Грэхема (“плохие деньги вытесняют из обращения хорошие деньги”, соответственно “плохие диссертации вытесняют из обращения хорошие диссертации”) и постулирует альтернативный взгляд на проблему. Настоящие ученые смогут (окончательно) переместиться туда, где их ценят и где процветает наука, оставив Россию и ее науку тем, кто их вытеснил. Так, предполагает автор, “возможно, лет через 10–15 случится так, что в российских ученых советах сплошь и рядом будут защищаться одни VIP-чиновники, а талантливые выпускники российских аспирантур уедут писать свои диссертации в Кембридж и Беркли (где, кстати сказать, и защит в нашем понимании нет, да и ученые советы отсутствуют)? Перспектива для выпускников, возможно, и не самая плохая. К тому же для этих ученых в России может почти не остаться мест, куда можно вернуться. И самое главное – незачем” // Гельман. Диссертации.

¹¹⁴ Речь идет о западных исследователях. Для постсоветских ученых получение научных степеней извне Академии не представляет собой, по крайней мере, эмпирической тайны. Так, Елена Гапова не игнорирует масштабы проблемы, увязывая ее с невозможностью поддержания “нормального” режима работы: “...признак того, что академия не имеет власти контролировать свою самую главную ценность – систему научной сертификации и доступ в свои ряды. Иначе говоря, установить монополию на социально значимый вид экспертизы, являющийся основой ее статуса” // Е. Гапова. Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки // *Ab Imperio*. 2011. № 4. С. 310.

¹¹⁵ С. Ушакин. Наука: вещь в себе и вещь для себя // *Антропологический форум*. 2013. № 19. С. 88.

науки. В частности, научная степень, академические публикации с их рецензированием и публичные защиты в обществе экспертов уже долгое время воспринимаются в качестве надежных гарантов качества соответствующей научной продукции. Распространено представление, согласно которому все эти механизмы эффективно препятствуют проникновению политики и бизнеса в самую суть научной продукции. Однако скандальное расследование Джона Боханнона показало, сколь на самом деле распространена в мире науки практика публикации сомнительных работ за деньги по системе открытого доступа (*open access*), и не только. Мара Хвистендаль описала некоторые характерные черты “черного рынка” академических публикаций в Китае, что в расследовании Наоми Цин удачно было обозначено, как *сино-наука* (Sino-science). Ван Най-син рассказал о ряде приемов в органической химии, приводящих к самоплагиату, росту обзоров, повышению уровня цитируемости коллег и получению дополнительной прибыли за одну и ту же работу – и все это на систематическом основании. Не говоря уже о своеобразном аналоге (пост)советской сервильности в западной Академии – эксплуатации, которую Карин Кнорр-Цетина определила как присвоение продуктов, созданных основной массой исследователей, учеными с более высоким статусом, которые таким образом аккумулируют символические выгоды от всей работы первой группы. Новейшее исследование Джона Иоаннидиса, Кевина Бояка и Ричарда Клаванса показывает, что существующая исследовательская система построена так, что “эксплуатирует работу миллионов молодых ученых в течение нескольких лет, не давая большинству из них возможности получить постоянную, долговременную и стабильную исследовательскую карьеру”.¹¹⁶

Также не стоит сбрасывать со счетов и того, что даже в США и в настоящее время ¹¹⁷ довольно часто встречаются случаи получения

¹¹⁶ John Bohannon. Who’s Afraid of Peer Review? // Science. 2013. Vol. 342. No. 6154; Mara Hvistendahl. China’s Publication Bazaar // Science. 2013. Vol. 342. No. 6162; Naomi Ching. Fame is Fortune in Sino-science // <http://nautil.us/issue/5/fame/fame-is-fortune-in-sino-science>. Last visit: October 4, 2014; Wang Nai-Xing. China’s Chemists Should Avoid the Vanity Fair // <http://www.nature.com/news/2011/110817/full/476253a.html>. Last visit: October 4, 2014.; Karin Knorr-Cetina. The Manufacture of Knowledge. An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford, 1981. P. 72; John P. A. Ioannidis, Kevin W. Boyack, Richard Klavans. Estimates of the Continuously Publishing Core in the Scientific Workforce // PLOS ONE. 2014. Vol. 9. No. 7. P. 10.

¹¹⁷ В качестве своеобразного исторического прецедента нелегитимных, но легальных научных степеней можно сослаться на экскурс Роберта Коулера, посвященный

“липовых” дипломов, значительная часть которых приходится на обласованных властью: “Некоторые авторы отмечают, что первым на эту проблему обратило внимание Федеральное бюро расследований США в 1980–1990-е гг., когда по итогам проверки валидности дипломов было закрыто 50 американских университетов и колледжей. В этом же исследовании указывается, что за 11-летнюю историю своего существования один университет выпустил 620 подготовленных таким образом “дипломированных” специалистов, 171 из которых работал в органах государственной власти США”.¹¹⁸

Эти исследования вкупе с описанной *неопатримониальной наукой*, показывают необходимость пересмотра традиционных механизмов обеспечения качества научной работы, приемлемого в тот или иной исторический момент. Урок, значение которого выходит за рамки одной лишь постсоветской науки, заключается в осознании, что любой индикатор, определяющий соответствующий уровень науки, способен со временем вырождаться в пустой знак, отсылающий к ряду подобных знаков, в совокупности функционирующих как коды некой виртуальной реальности, малосвязанной с процессом приращения актуального знания в научном поле. Являются ли степень, публикация, публичная защита, экспертное сообщество уже отжившими способами измерения науки или речь идет об их модификации, как полагает Стивен Харнад в случае соотношения *crowd-sourced peer review* и *peer review*,¹¹⁹ – на эти вопросы еще только предстоит ответить исследователям. Равно как и понять, в какой степени наука подвержена (неустраняемому?) воздействию политического режима, что является, как я указывал выше, побочным эффектом освоения нового рынка сертификации, а что выступает производной от других факторов.

истокам американской модели производства диссертаций. В частности, указывается на “липовые” дипломы “таких ‘фабрик ученых степеней’, как университет Тейлора в Упланде, Индиана, выпускавший десятки докторов наук в год. В 1895 г. возмущенный корреспондент жаловался, что два ‘университета’ сообщили о трехстах аспирантах, выпущенных в одном году, и о трех аспирантах в следующем”. Р. Коулер. Американская машина по производству диссертаций: конструкция на основе колледжей // Наука по-американски: Очерки истории. Москва, 2014. С. 53. Правда, степень их подверженности конкретным факторам (деньги, ранг во властной иерархии и т. п.) остается неизвестной.

¹¹⁸ Калимуллин. Российский рынок. С. 42.

¹¹⁹ Stevan Harnad. Crowd-Sourced Peer Review: Substitute or Supplement for the Current Outdated System? // <http://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2014/08/21/crowd-sourced-peer-review-substitute-or-supplement>. Last visit: October 4, 2014.

В-третьих, масштабы неопатримониальной науки позволяют говорить уже и о *статистической актуальности*. Конечно, пока что процесс в целом представляет собой для исследователей пресловутый “черный ящик”, поскольку подавляющее большинство рассуждений в этой области, не исключая и данное исследование, базируются на анализе начальных и конечных этапов процесса. Мы, по сути, только на “входе” фиксируем чиновников, которые получают степени на “выходе”, но сама механика “остепенения” остается от нас скрытой. Поэтому последующие исследования должны быть направлены на изучение того, что находится в “черном ящике” (научное сообщество *неопатримониальной науки*, внутренняя система оценивания, особенности процесса организации производства диссертации и т.п.), а также механизма его взаимодействия с внешней средой. В частности, речь идет о влиянии *неопатримониальной науки* на корпоративный этос тех, кто себя к ней не причисляет при любых обстоятельствах. Либо же о процессах инкапсуляции (самоизоляции), нарастающих в различных науках на постсоветском пространстве, в сложной взаимосвязи с тенденциями к фрагментации и интеграции.

SUMMARY

The article surveys the practices of receiving academic degrees by different groups of state officials and by other representatives of nonacademic spheres in Ukraine and Moldova. To conceptualize them, the author suggests the model of *neopatrimonial science*. He traces neopatrimonial patterns of power/knowledge to the Soviet past. The social aspect of neopatrimonial science is explained by the credential nature of post-Soviet societies, while its political aspect derives from the existing type of political regime.

The largest case analyzed in the article deals with heads of the regional administrative units in Ukraine who received their academic degrees between 1991 and 2013. The author establishes a connection between gender, science, and the political regime and makes sense of this connection by analyzing 7,000 Candidate of Sciences and Doctor of Sciences dissertations defended in Ukraine and Moldova in fields such as history, political science, sociology, and government administration. Ultimately, he defines “neopatrimonial science” as a system of meaningful and performative interactions of academic scholars with representatives of business and power. This interaction is determined by the basic characteristics of the neopatrimonial

political regime. As a system, it is defined by (a) the special selection of [leading] actors who possess (b) a special type of [practical] motivation derived from (c) the patrimonial character of their position. This creates the potential for (d) accumulating academic capital by means of getting control over administering it. As a consequence, (e) the stress is placed not on preparation and competence, but on belonging to the most successful political/business regional elite.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются практики получения научной степени различными группами чиновников и другими представителями невузовской среды в Украине и Молдове, что позволяет автору выделить особый и приобретающий все более масштабный характер феномен неопатримониальной науки. Его “историческое измерение” автор прослеживает в паттернах власти/знания советского прошлого. “Социальное измерение” он выводит из креденциалистского характера подавляющего большинства современных обществ (*credential society*), в том числе и постсоветских. Наконец, “политическое измерение” демонстрирует структурирующее воздействие на академическую жизнь нынешнего политического режима.

Существование неопатримониальной науки устанавливается на основании исследования практик получения научной степени председателями областных советов и областных государственных администраций в Украине (1991–2013). Взаимосвязь гендера, науки и политического режима анализируется на примере почти семи тысяч кандидатских и докторских диссертаций по истории, социологии, политологии и государственному управлению в Украине и Молдове (1999–2012). Неопатримониальная наука определяется как система значимых взаимодействий академических исследователей, представителей бизнеса и власти, обусловленная или даже детерминированная в основных чертах сущностными характеристиками неопатримониального политического режима и носящая исключительно перформативный характер получения научной степени (и превращения ее в симулякр). Своеобразие неопатримониальной науки заключается (а) в специфическом контингенте (ведущих) акторов, обладающих (б) особым типом (практической) мотивации, основания которой (в) “вписаны” в вотчинный характер должностей, что (г) приводит к формированию научного капитала по-

средством административных средств управления последним, вследствие чего (д) значение приобретают не подготовка и компетенция, а принадлежность/близость к наиболее успешной в деле политизации бизнеса региональной элите.

BIBLIOGRAPHY

- Altbakh, F., L. Raisberg, I. Pacheko. *Akademicheskoe voznagrazhdenie i kontrakty: mirovye tendentsii i realii* // F. Altbakha et al. (Eds.). *Kak platiat professoram. Globalnoe sravnenie sistem voznagrazhdeniia i kontraktov*. Moscow, 2012. Pp. 15-35.
- Amsler, Sarah S. *The Politics of Knowledge in Central Asia. Science between Marx and the Market*. New York, 2007.
- Andrushchak, G., M. Iudkevich. *Vysshee obrazovanie v Rossii: zarabotnaia plata i kontrakty* // *Kak platiat professoram. Globalnoe sravnenie sistem voznagrazhdeniia i kontraktov*. Pp. 289-304.
- Barinaga, Marcia. *Overview: Surprises Across the Cultural Divide* // *Science*. 1994. Vol. 263. March 11. Pp. 1468-1474.
- Batygin, G. S. "Sotsialnye uchenye" v usloviiakh krizisa: strukturnye izmeneniia v distsiplinarnoi organizatsii i tematicheskom repertuare sotsialnykh nauk // *Sotsialnye nauki v postsovetskoii Rossii*. Moscow, 2005. Pp. 8-107.
- Benda, Julien. *Predatelstvo intelektualov*. Moscow, 2009.
- Bikbov, A. *Grammatika poriadka. Istoricheskaiia sotsiologiiia poniatii, kotorye meniaiut nashu realnost*. Moscow, 2014.
- Blondel, Jean, Ferdinand Müller-Rommel, Darina Malova. *Governing New European Democracies*. New York, 2007.
- Bohannon, John. *Who's Afraid of Peer Review?* // *Science*. 2013. Vol. 342. No. 6154. Pp. 60-65.
- Bourdieu, Pierre [P. Burd'e]. *Pole nauki* // *Idem. Sotsialnoe prostranstvo: polia i praktiki*. Moscow and St. Petersburg, 2005.
- Ching, Naomi. *Fame is Fortune in Sino-science* // http://nautil.us/issue/5/fame/fame-is-fortune-in-sino_science.
- Clark, John E. and Michael Blake. *The Power of Prestige: Competitive Generosity and the Emergence of Rank Societies in Lowland Mesoamerica* // Elizabeth M. Brumfiel, John W. Fox (Eds.). *Factional Competition and Political Development in the New World*. Cambridge, 1994.
- Cole, Stephen. *Why Sociology Doesn't Make Progress like the Natural Science* // *Sociological Forum*. 1994. Vol. 9. No. 2. Pp. 133-154.

- Collins, Randall. *Chetyre sotsiologicheskikh traditsii*. Moscow, 2009.
- Costa, António, Pedro Tavares de Almeida. Portugal: The Primacy of “Independents” // Keith Dowding, Patrick Dumont (Eds.). *The Selection of Ministers in Europe. Hiring and Firing*. New York, 2009. Pp. 147-158.
- Crowther, William E. *Legislative Elite Formation in Moldova. Community and Change* // Elena Semenova, Michael Edinger, Heinrich Best (Eds.). *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation*. New York, 2014. Pp. 219-240.
- Debray, Régis [R. Debre]. *Intelektualna vlada u Frantsii*. Kiev, 2008.
- Deputat parlamenta v zarubezhnykh gosudarstvakh. Moscow, 1995.
- Derlugian, G. *Suverennaiia biurokratiia: tezisy k izucheniiu vlastvuiushchikh elit postsovetskoii Evrazii* // Oikumena: Almanakh sravnitelnykh issledovaniï politicheskikh institutov, sotsialno-ekonomicheskikh sistem i tsivilizatsii. Vol. 5. Kharkov, 2007. Pp. 205-219.
- Doktorov, B. *Sovremennaiia rossiiskaia sotsiologiia: istoriia v biografiakh i biografii v istorii*. St. Petersburg, 2013.
- Eisenstadt, Shmuel. *Revoliutsiia i preobrazovanie obshchestv*. Moscow, 1999.
- Fettelschoss, Katja, Csaba Nikolenyi. *Learning to Rule: Ministerial Careers in Post-communist Democracies* // Keith Dowding, Patrick Dumont (Eds.). *The Selection of Ministers in Europe. Hiring and Firing*. New York, 2009. Pp. 204-227.
- Feyerabend, Paul. *Izbrannye trudy po metodologii nauki*. Moscow, 1986.
- Fisun, A. A. *Demokratiia, neopatrimonializm i globalnye transformatsii*. Kharkov, 2006.
- Fox, Mary F. *Gender, Hierarchy, and Science* // Janet S. Chafetz (Ed.). *Handbook of the Sociology of Gender*. New York, 2006. Pp. 441-458.
- Fuller, Steve. *The Sociology of Intellectual Life. The Career of the Mind in and Around the Academy*. London, 2009.
- Gaman-Golutvina, Oxana. *Parliamentary Representation and MPs in Russia: Historical Retrospective and Comparative Perspective* Elena Semenova, Michael Edinger, Heinrich Best (Eds.). *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation*. New York, 2014. Pp. 241-260.
- Gaxie, Daniel, Laurent Godmer. *Cultural Capital and Political Selection: Educational Backgrounds of Parliamentarians* // Maurizio Cotta, Heinrich Best (Eds.). *Democratic Representation in Europe. Diversity, Change, and Convergence*. New York, 2007. Pp. 106-135.
- Gelman, V. *Dissertatsii prestizhnogo potrebleniia* // http://slon.ru/russia/dissertatsii_prestizhnogo_potrebleniya-400936.xhtml.

- Grabovich, G. Pered Evropoiu: chi mozhliva reforma v nautsi ta osviti? // *Kritika*. 2005. No. 1-2 (87-88). <http://krytyka.com/ua/articles/pered-evropoyu-chy-mozhlyva-reforma-v-nautsi-ta-osviti>.
- Graham, Loren R. *Estestvoznanie, filosofia i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soiuze*. Moscow, 1991.
- Harnad, Stevan. Crowd-Sourced Peer Review: Substitute or Supplement for the Current Outdated System? // <http://blogs.lse.ac.uk/impactof-socialsciences/2014/08/21/crowd-sourced-peer-review-substitute-or-supplement/>.
- Hayden, Brian. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 1998. No. 5 (1). Pp. 1-55.
- Hvistendahl, Mara. China's Publication Bazaar // *Science*. 2013. Vol. 342. No. 6162. Pp. 1035-1039.
- Il'in, V. Uchenye stepeni chinovnikov i deputatov kak "zolotoi parashiot" // <http://7x7-journal.ru/post/27315?r=komi>.
- Ioannidis, John P. A., Kevin W. Boyack, Richard Klavans. Estimates of the Continuously Publishing Core in the Scientific Workforce // *PLOS ONE*. 2014. Vol. 9. No. 7. <http://www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0101698>.
- Iurkova, O. Naukova atestatsiia istorikov v Ukraïni: normativna baza ta osoblivosti zakhistu disertatsii (druga polovina 1920-kh – 1941 rr.) // *Problemi istorii Ukraïni: fakti sudzhennia, poshuki: Mizhvidomchii zbirnik naukovikh prats*. 2010. No. 7. Issue 19. Part. 2. Pp. 126-141.
- Kalimullin, T. R. *Rossiiskii rynek dissertatsionnykh uslug*. Preprint WP4/2006/02. Moscow, 2006.
- Kislitsyn, S. A. *Nauchnaia elita v sisteme politicheskoi vlasti*. Moscow, 2013.
- Knorr-Cetina, Karin. *The Manufacture of Knowledge. An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*. Oxford, 1981.
- Kordonskii, S. G. *Soslovnaia struktura postsovetskoi Rossii*. Moscow, 2008.
- Kotova, A. *Vremia ostepeniat'sia: po chislu kandidatov i doktorov nauk Ukraina iavliaetsia odnoi iz samykh uchenykh stran Evropy* // <http://focus.ua/society/50473/>.
- Kouler, R. *Amerikanskaia mashina po proizvodstvu disertatsii: konstruktsiia na osnove kolledzhei* // *Nauka po-amerikanski: Ocherki istorii*. Moscow, 2014. Pp. 46-94.
- Kozlova, L. G. "Bez zashchity disertatsii...": statusnaia organizatsiia obshchestvennykh nauk v SSSR, 1933–1935 gody // <http://www.nir.ru/sj/sj/sj2-01koz.html>.

- Kremen, Vasył, Stanislav Nikolajenko (Eds.). Higher Education in Ukraine. Bucharest, 2006.
- Kryshtanovskaia, O. Anatomiiia rossiiskoi elity. Moscow, 2005.
- Kudelia, S. Chi mozhлива v Ukraïni politichna nauka? // *Kritika*. 2012. No. 1-2. Pp. 24-25.
- Leklerk, Zh. Sotsiologiiia intelektualiv. Lviv, 2009.
- Lipset, Seymour. Political Man. The Social Bases of Politics. New York, 1960.
- Litvinov, V. Doktori lipovikh nauk // <http://archive.kontrakty.ua/gc/2012/51/8-modnaya-organika.html?lang=ua>.
- Lukashenko: “Na tanke v Kieve vy menia ne uvidite” // <http://vesti.ua/mir/48677-lukashenko-na-tanke-v-kieve-vy-menja-ne-uvidite>.
- Malki, M. Znanie i poleznost’: implikatsii dlia sotsiologii znaniia // *Znanie: sobstvennost’ i vlast’*. Khrestomatiia. Moscow, 2010. Pp. 91-111.
- Maslovskii, M. Kharizma razuma, izobretennaia traditsiia i sovetskaia model’ moderna // *Neprikosnovennyi zasap*. 2013. No. 4 (90). <http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/5m.html>.
- Maslovskii, M. Teorii istoricheskoi makrosotsiologii i sotsialno-politicheskie transformatsii v Rossii i SSSR v pervoi polovine XX veka. Nizhny Novgorod, 2003.
- Matsievskii, Iu. Chomu v nas nemaie politichnoi nauki // *Kritika*. 2012. No. 6. Pp. 10-12.
- Mawdsley, Evan and Stephen White. Sovetskaia elita ot Lenina do Gorbachova. Tsentralnyi Komitet i ego chleny, 1917–1991 gg. Moscow, 2011.
- Osin, V. Neopatrimonialnaia nauka Ukrainy: chinovniki, nauchnye stepeni i politicheskii rezhim // *Perekrestki. Zhurnal issledovaniia Vostochnoevropeiskogo Pogranichia*. 2013. No. 3-4. Pp. 61-112.
- Pivneva, Liubov. Political Aspects of Reforming the Higher-Education System in Ukraine // Webber, Stephen and Ilkka Liikanen (Eds.). *Education and Civic Culture in Post-Communist Countries*. Basingstoke, 2001. Pp. 248-259.
- Pliais, Ia. A. Politologiiia v kontekste perekhodnoi epokhi v Rossii. Moscow, 2010.
- Plourde, Aimée M. Prestige Goods and the Formation of Political Hierarchy. A Costly Signaling Model // Stephen Shennan (Ed.). *Pattern and Process in Cultural Evolution*. Berkeley, 2009. Pp. 265-276.
- Portnov, A. Respublika uchenykh po-nemetski i po-ukrainski // <http://net.abimperio.net/node/2013>.

- Registrul gradelor stiintifice de doctor si doctor habilitat conferite in perioada, 2002–2012 / Consiliul National pentru Acreditare si Atestare. Chisinau, 2012.
- Riabov, S. G. *Politichna nauka v Ukraïni XXI stolittia: stan ta perspektivi rozvitku*. Kiev, 2005.
- Sabloff, Paula L. W. *Higher Education in the Post-Communist World: Case Studies of Eight Universities*. New York, 1999.
- Scheff, T. J. *Akademicheskie bandy*. <http://old.russ.ru/edu/99-04-02/scheff.htm>.
- Semenova, E. S. *Ministry Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii: rekrutirovanie i kar'ery (1990–2012) // Politicheskii klass v sovremennom obshchestve*. Moscow, 2012. Pp. 165-173.
- Semenova, Elena, Michael Edinger, Heinrich Best. *Patterns of Parliamentary Elite Recruitment in Central and Eastern Europe. A Comparative Analysis // Elena Semenova, Michael Edinger, Heinrich Best (Eds.). Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation*. New York, 2014. Pp. 284-307.
- Semenova, Elena. *Patterns of Parliamentary Representation and Careers in Ukraine: 1990–2007 // East European Politics and Societies*. 2012. Vol. 26. No. 3. Pp. 538-560.
- Shapovalenko, M. *Ukrainskaia politologiiia: trudnosti stanovleniia // Politicheskaia nauka. Politologiiia v postsovetstikh gosudarstvakh*. Moscow, 2004. Pp. 230-257.
- Shlapentokh, Vladimir and Joshua Woods. *Contemporary Russia as a Feudal Society. A New Perspective on the Post-Soviet Era*. New York, 2007.
- Skocpol, Theda. *States, Revolutions, and the Comparative Historical Imagination // Gerardo L. Munck, Richard Snyder (Eds.). Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. Baltimore, 2007. Pp. 649-707.
- Skol'ko stoit kandidatskaia dissertatsiia? // <http://aspirantura.org.ua/page/skolko-stoit-kandidatskaya-dissertatsiya-286.php>.
- Snyder, Richard. *The Human Dimension of Comparative Research // Gerardo L. Munck, Richard Snyder (Eds.). Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. Baltimore, 2007. Pp. 1-31.
- Sokolov, M. *Problema konsolidatsii akademicheskogo avtoriteta v post-sovetstkoï nauke: sluchai sotsiologii // Antropologicheskii forum*. 2008. No. 9. Pp. 8-31.
- Stetar, Joseph and Elena Berezkina. *Evolution of Ukrainian Private Higher Education: 1991–2001 // International Higher Education*. 2002. No. 3. Pp. 239-256.

- Stetar, Joseph, Anatoly Pohribny. Toward a New Definition of Quality: Taras Shevchenko National University (Kyiv University), Ukraine // Paula L. W. Sabloff (Ed.). Higher Education in the Post-Communist World: Case Studies of Eight Universities. New York, 1999. Pp. 163-187.
- Stetar, Joseph, Oleksiy Panych, Andrew Tatusko. State Power in Legitimizing and Regulating Private Higher Education: The Case of Ukraine // Snejana Slantcheva, Daniel C. Levy (Eds.). Private Higher Education in Post-Communist Europe. In Search of Legitimacy. New York, 2007. Pp. 239-256.
- Teobald, R. Patrimonializm // Prognosis. 2007. Np. 2. Pp. 141-152.
- Ushakin, S. Nauka: veshch v sebe i veshch dlia sebia // Antropologicheskii forum. 2013. No. 19. Pp. 176-188.
- V Rade stremitelno rastet chislo kandidatov i doktorov nauk // <http://vesti.ua/politika/20394-v-rade-stremitelno-rastet-chislo-kandidatov-i-doktorov-nauk>.
- Veblen, T. Teoriia prazdnogo klassa. Moscow, 2010.
- Voslenskii, M. S. Nomenklatura. Gospodstvuiushchii klass Sovetskogo Soiuza. Moscow, 1991.
- Wang, Nai-Xing. China's Chemists Should Avoid the Vanity Fair // <http://www.nature.com/news/2011/110817/full/476253a.html>.
- Zemtsov, I. Partiiia ili mafiiia? Razvorovannaia respublika. Paris, 1976.
- Zotkin, A. A. "Lvyy" i "lisy" ukrainskoi politiki. Kiev, 2010.